БУРЕВѢСТНИКЪ

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

20 августа 1906 г. ОРГАНЪ РУССКИХЪ АНАРХИСТОВЪ-КОММУНИСТОВЪ № 2.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ НАШЕЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Присматриваясь къ дѣятельности нашихъ товарищей въ Россіи за эти послѣдніе два года нельзя не сознаться, что невзирая на всю ихъ отвагу и самоотверженность, они для русской революціи сдѣлали очень мало. Они всегда и безъ оглядки шли впередъ, они не жалѣли ни силъ своихъ, ни здоровья, они спокойно и страстно отдавали свою жизнь, приносили ей въ жертву одухотворявшимъ ихъ идеямъ, они не задумываясь умирали за эти идеи, умирали просто, безъ ропота, безъ сожалѣнія, гордо, иногда даже съ радостью, какъ нѣкогда мученики христіанства, но увы, все это безъ мало-мальской замѣтной, хоть сколько нибудь осязательной пользы для самой революціи! Конечно, въ общій концертъ дѣйствующихъ теперь въ Россіи силъ они внесли въ свою, подчасъ довольно таки громкую и острую нотку; конечно, они не оставались спокойными зрителями переживаемаго страною кризиса; они энергично боролись; они не щадили своихъ ударовъ отживающему строю; они всей душой содѣйствовали успѣху великаго освободительнаго движенія. Къ сожалѣнію, путь избранный ими оказался до высшей степени неудачнымъ; вся пропаганда ихъ сосредоточилась въ мелкихъ кружкахъ и почти, что не проникла въ рабочія и крестьянскія массы. Хуже того: нѣкоторыми своими тактическими пріемами (какъ, напр. мелкія экспропріаціи) они оттолкнули отъ себя эти массы и благодаря этому лишились возможности революціонно и анархически воспитать ихъ; они оттолкнули отъ себя и передовые элементы интеллигенціи, невзирая на весь интересъ, вызванный анархизмомъ въ этихъ слояхъ общества, о чемъ свидѣтельствуетъ множество анархическихъ изданій въ Россіи за послѣднее время. И такимъ образомъ, послѣ двухлѣтней, упорной и крайне тяжелой работы въ подсчетѣ оказался слѣдующій, весьма плачевный результатъ: въ Россіи имѣется довольно много анархистовъ, но нѣтъ анархическаго движенія.

Почему же мы потерпѣли такую неудачу? почему мы избрали тотъ непригодный путь, который привелъ насъ именно къ этой неудачѣ? Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что революція застигнула насъ совершенно врасплохъ.. Въ моментъ, когда она разразилась, мы только начинали свою работу въ Россіи, а потому не имѣли ни времени, ни возможности, какъ слѣдуетъ подготовиться къ ней, у насъ не оказалось ни хоть приблизительно выработанной программы, ни достаточной теоретической подготовки, ни литературы на русскомъ языкѣ; мы не имѣли ни работниковъ, ни оружія. Мы оказались не въ силахъ направить теченіе, и теченіе унесло насъ. Революція разгоралась съ ужасающей стихійностью, и было слишкомъ поздно заняться теоріей; необходимо было *дѣйствовать*. Но что могли мы дѣлать въ такомъ положеніи, безъ подготовки, безъ яснаго пониманія совершающихся событій, неприспособленные къ особенностямъ русской дѣйствительности, безъ опредѣленной *творческой* цѣли? Что могли мы дѣлат не зная *какъ* использовать революцію, не рѣшивъ заранѣе *какими средствами* бороться съ умирающимъ режимомъ, не выяснивъ себѣ предварительно на основаніи наличныхъ условій, соотношеній между *желаннымъ* и *возможнымъ*? Ничего другого мы сдѣлать не могли, какъ отдаться теченію. Мы и отдались ему. А такъ какъ теченіе было стихійное, разрушающее, то и мы занялись только разрушеніемъ, мало или почти совсѣмъ не думая о необходимости для торжества самой революціи, *созидательной* работы.

Болѣе того: отдаваясь всецѣло этой разрушающей дѣятельности, терроризируя и экспропріируя вездѣ и какъ попало, мы наивно вѣрили, что содѣйствуемъ постройкѣ новаго міра, мы вѣрили, что «духъ разрушенія есть въ то же время и духъ созидающій», мы не замѣчали того, насколько афоризмъ этотъ, вѣрный можетъ быть въ области мысли совершенно непримѣнимъ и ложенъ въ области соціологіи. И мы жестоко поплатились за эту ошибку!..

Но ошибка эта—не единственная причина постигшей насъ неудачи; была еще и другая, столь же плачевная по своимъ послѣдствіемъ: это—полное отсутствіе организаціи въ нашихъ рядахъ. Разбросанные по всей огромной Россіи, мы почему-то даже не стремились къ тому, чтобы объединить и координировать наши усилія; группы наши жили и работали, каждая для себя и у себя, имѣя межъ собою лишь крайне рѣдкія и непостоянныя сношенія; онѣ лишали себя такимъ обра-

зомъ возможности поддерживать другъ друга, оказывать другъ другу взаимную и необходимую для борьбы помощь. И само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ, работа ихъ страдала, какъ количественно, такъ и качественно; само собою разумѣется также, что имъ трудно было бороться съ вліяніемъ на трудящіяся массы другихъ, сильно и строго организованныхъ партій, какъ с.-д. или с.-р. И дѣйствительно, трудящіяся массы остались почти вездѣ совершенно незатронутыми анархистической пропагандой, и это—несмотря на примѣненіе ими чисто анархистическихъ формъ борьбы, (какъ всеобщая стачка рабочими или захватъ земли крестьянами), на которыя толкнула ихъ сама революція и которая, логично, должна была бы въ значительной мѣрѣ облегчить работу нашимъ товарищамъ. Но онѣ не облегчили этой работы и трудящіяся массы ускользнули изъ нашихъ рукъ потому, что мы представляли собою лишь мелкія и разрозненныя группы, а не крѣпкую, способную на интенсивную и широкую дѣятельность организацію.

Это отсутствіе постоянныхъ организаціонныхъ связей между товарищами имѣло еще другое довольно печальное послѣдствіе: оно позволило разнымъ подонкамъ общества, ворамъ и хулиганамъ, прикрыться нашимъ идейнымъ плащемъ и «работать» подъ флагомъ анархистовъ-коммунистовъ. Мы же, за неимѣніемъ постоянныхъ сношеній межъ собой, были безсильны предпринять что либо противъ этого, фактически не имѣли никакой возможности сорвать маску съ этихъ «революціонеровъ», раскрыть ихъ игру, отмежеваться отъ нихъ. И это обстоятельство причинило намъ страшный вредъ. Насъ часто смѣшивали съ ними, нѣкоторые дѣйствительно невольно, но нѣкоторые и намѣренно, съ предвзятой цѣлью дискредитировали насъ въ глазахъ народныхъ массъ, подорвать наше вліяніе, загрязнить и осквернить нашъ идеалъ. И во многихъ мѣстахъ эта уловка вполнѣ удалась! Насъ стали бояться и ненавидѣть, и презирать тѣ самые, за освобожденіе и за человѣческія права которыхъ мы боролись и проливали свою кровь; отъ насъ отшатнулись тѣ самые, которыхъ, часто цѣною собственной свободы, мы хотѣли разбить вѣковыя оковы экономическаго и соціальнаго гнета; насъ оттолкнули тѣ самые, которыхъ, нерѣдко цѣною собственной жизни, мы звали къ свѣтлой, полной отрады и радости, полной силы и гармоніи жизни!..

Таковы итоги нашей дѣятельности въ Россіи за эти послѣдніе два года. Мы сдѣлали много промаховъ, много ошибокъ. Но сознаться въ ошибкахъ не стыдно; сознаться въ ошибкахъ—это значитъ понять необходимость поправить ихъ. И мы должны ихъ поправить. Мы должны вести широкую теоретическую пропаганду и не ограничиваться одной только террористической дѣятельностью; мы должны выработать строгую программу; мы должны проникать въ рабочія и крестьянскія массы. Но что важнѣе всего, мы должны организовать наши силы, мы должны сплотить всѣ наши группы въ одно могучее цѣлое, объединить ихъ усилія, создать, однимъ словомъ, русскую анархистическую партію.

О всемъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Максимъ Дубинскій.

МИМОХОДОМЪ.

Дума умерла; да здравствуетъ соціальная революція! Дума жила—сколько жила въ правительствѣ вѣра въ народную революціонную силу; сколько жила боязнь этой силы и боязнь своей собственной слабости. Дума дала все, что она могла дать: много хорошихъ словъ, много хорошихъ намѣреній, много хорошихъ рѣчей. Въ малый промежутокъ своей жизни она успѣла доказать, что хорошими рѣчами ничего не измѣнишь, если народъ не дѣйствуетъ революціонно. Дума выплыла на сцену русской исторіи, благодаря революціонному движенію и пріостановя это движеніе она убила сама себя. Стачки рабочихъ, аграрныя движенія, баррикады создали Думу, какъ компромиссъ между народомъ и равительствомъ; и Дума-компромиссъ умерла, когда народный революціонный напоръ ослабѣлъ, благодаря надеждамъ, возложеннымъ на Думу.—Дума возбудила эти надежды и тѣмъ самимъ она осудила себя на смерть; Дума призывала народъ къ терпѣнію и спокойному выжиданію и тѣмъ она шла къ своему уничтоженію. Дума умерла—умерла еще одна иллюзія. Пусть съ нею умрутъ всѣ иллюзіи, всѣ надежды на возможность мирно преобразовать общество; пусть съ нею умретъ иллюзія, надежда на возможность политическими путями освободиться отъ государственно-экономическаго гнета. Только рабочіе и крестьянскія массы, дѣйствующіе сами, постоянно и революціонно могутъ создать свободное общество.—Только, дѣйствуя противъ государственныхъ формъ —всѣхъ формъ—и противъ частнаго владѣнія землею и всѣми продуктами человѣческаго труда можно сбросить его государственно-экономическаго гнета.

Дума умерла; да здравствуетъ Соціальная Революція!

ФЛОТЪ И АРМІЯ.

Рухнула еще одна опора русскаго царизма!

Свеаборгъ, Кронштадтъ, Дешлагаръ доказали, что проснулось самосознаніе и у русскаго матроса, и русскаго солдата: и они, наконецъ, рѣшили вступить открыто въ борьбу съ своими деспотами-начальниками.

Гулкимъ эхомъ разносился по всей Руси каждый выстрѣлъ изъ «Памяти Азова», и память объ отважныхъ застрѣльщикахъ долго будетъ храниться въ памяти народа, возставшаго и борющагося за права на жизнь.

Вѣками прививались солдату вѣрноподданническія чувства, вѣками вытравлялось въ солдатѣ сознаніе человѣческаго достоинства, вѣками внушалась ему вражда къ крестьянамъ и рабочимъ, добивающимся куска хлѣба за невыносимо долгій тяжелый трудъ.

Царскіе опричники писали и распространяли «Дружескія рѣчи», восхвалявшія гнетъ, насиліе и ложь.

Отцы Церкви напутствовали проповѣдями и благословеніемъ войска, шедшія на избіеніе крестьянъ и рабочихъ.

Престолу и Церкви нужны Треповы, Дурново, Столыпины, Побѣдоносцевы, Іоаны Кронштадтскіе, Амвросіи.

Слугою престола, слугою государства можетъ быть только врагъ народа, живущій потомъ и кровью народа.

Солдатъ, матросъ — дѣти народа. Зуботычинами, шпицрутенами, карцерами, дисциплинарными батальонами имъ хотѣли внушить идеи о благѣ самодержавнаго режима.. Извѣдалъ солдатъ всю прелесть царскаго спа-

сибо и позналь, наконецъ своего настоящаго врага.

Солдатъ позналъ наконецъ, что внутренний врагъ его не народъ-гигантъ, добивающійся свободы, а царь и правительство, всегда обманывающіе народъ.

И солдатъ — сынъ народа, не долженъ и не пойдетъ противъ народа.

«Званіе солдата высоко и почетно» говорили начальники и попы и посылали солдата избивать безоружныхъ мирныхъ рабочихъ, посылали солдатъ жечь села и деревни, поля и нивы.

Разстрѣливать мирныхъ людей высоко и почетно для Трепова, Нейгарда, Римана, Меллеръ-Закамельскаго, Каркозова, Дубасова и всѣхъ прочихъ, «имъ же числа нѣсть», высоко и почетно, ибо этимъ только и создаются и богохульства, и слава, ибо произволъ даетъ имъ право безнаказанно не только убивать, но и обкрадывать народъ.

Сынъ народа-солдатъ, матросъ уже начинаетъ понимать, что званіе солдата и низко, и преступно.

Сынъ народа не можетъ быть врагомъ народа, онъ не долженъ служить палачамъ.

Армія нужна правителямъ и богачамъ, грабящимъ крестьянъ и рабочихъ; правителямъ и богачамъ, живущимъ только воровствомъ и грабежомъ.

Крестьянамъ, рабочимъ трудами которыхъ создаются всѣ блага земныя, не нужны ни армія, ни флотъ, ни правитель, ни капиталистъ.

Чтобы избавиться отъ этихъ враговъ, и возстали крестьяне и рабочіе.

Они добиваются с в о б о д ы: свобода необходима для каждаго, кто хочетъ жить своимъ трудомъ, кто хочетъ развиваться.

Они стремятся къ р а в е н с т в у, но не къ равенству всѣхъ передъ закономъ, дающему власть одному надъ другими; они требуютъ равенства всѣхъ предъ всѣми.

Они добиваются б р а т с т в а, но не такого братства, которое предлагалъ министръ Витте, а братства народовъ, объединяющихся для общаго блага, для борьбы съ природой.

И солдатъ, которому всегда твердили, что тотъ не солдатъ, кто не думаетъ стать генераломъ, начинаетъ сознавать, что генеральства добивается только тотъ, кто хочетъ жить чужимъ трудомъ, грабежомъ и разбоемъ.

Понявъ это, солдатъ станетъ стрѣлять н е в ъ т о л п у крестьянъ и рабочихъ, разрушающихъ гнилыя основы существующаго строя, онъ будетъ стрѣлять въ того, кто отдаетъ приказы разстрѣливать народъ.

Понявъ это, солдатъ не будетъ защищать основы государства, которое создано богатыми для безнаказаннаго и безпощаднаго истребленія трудящагося народа онъ поможетъ самъ поскорѣе разрушить этотъ произволъ.

Понявъ это, солдатъ будетъ помогать народу у н и ч т о ж и т ь г о с у д а р с т в о, чтобы установить безгосударственность-а н а р х і ю, поможетъ уничтожить эксплуатацію человѣка человѣкомъ, чтобы установить к о м м у н и з м ъ.

И къ завоеванію этого свѣтлаго будущаго должны стремиться и солдатъ, и матросъ, если они хотятъ избавиться отъ новыхъ оковъ.

Никакой государственный строй не избавитъ народъ отъ мукъ, отъ гнета, отъ насилія—вотъ почему нужно разрушить государство.

Борьба за идеалъ свободы, равенства и братства зоветъ въ свои ряды всѣхъ тружениковъ.

Безнаказанно вздернули «высоко» матросовъ Чернаго моря, безнаказанно и «почетно» разстрѣливаютъ матросовъ Балтійскаго моря и солдатъ Дешлагарскаго полка.

Но умирая, эти матросы и солдаты завѣщаютъ своимъ живымъ товарищамъ безстрашно бороться за дѣло народнаго освобожденія.

И солдаты, и матросы, помня завѣтъ своихъ отважныхъ товарищей, не исполнятъ приказа начальника стрѣлять въ народъ, они не будутъ палачами народа: они будутъ стрѣлять не въ того, к о г о в е л я т ъ разстрѣливать, а въ того, к т о в е л и т ъ разстрѣливать.

И тогда солдатъ станетъ сыномъ народа, а не его палачомъ, какимъ дѣлаетъ его государство.

И только тогда онъ поможетъ борющемуся народу осуществить свою завѣтную мечту!

М. Б.

ЕСТЬ ЛИ У НАСЪ СОЮЗНИКИ?

Революціонная волна опять поднимается!... Царскій манифестъ о роспускѣ думы встрѣченъ канонадой въ Финляндіи, возстаніемъ въ Кронштадтѣ, объявленіемъ всеобщей забастовки въ Петербургѣ. На авансцену русской жизни опять должны выступить революціонныя партіи, революціонный способъ работы. И для насъ анархистовъ въ одной формѣ является вопросъ: есть ли у насъ союзники среди другихъ революціонныхъ партій; возможна ли для насъ совмѣстная работа съ ними?

Чтобы получить правильный отвѣтъ на эти вопросы, мы должны раньше отвѣтить на другой вопросъ: какого отношеніе этихъ партій къ переживаемому моменту, каковы ихъ надежды, требованія. Начнемъ съ праваго крыла революціонныхъ партій, съ соціалъ-демократіи. Мы говоримъ о соціалъ-демократической партіи въ цѣломъ, хотя на самомъ дѣлѣ она дѣлится на двѣ фракціи, которыя въ вопросахъ тактики сильно расходились между собой. Но эти разногласія съ нашей точки зрѣнія такъ маловажны, что мы можемъ ихъ игнорировать, тѣмъ болѣе, что съ роспускомъ думы, самаго важнаго пункта разногласій—объ отношеніи къ думѣ—болѣе не существуетъ. Отношеніе соціалъ-демократовъ къ совершающейся революціи ясно вытекаетъ изъ ихъ общаго міровоззрѣнія: соціалистическій строй является результатомъ наивысшаго развитія капиталистическаго строя. Обобществленіе орудій и средствъ производства возможно лишь послѣ того, какъ самымъ процессомъ капиталистическаго развитія эти орудія и средства производства будутъ сосредоточены въ рукахъ немногочисленнаго класса буржуазіи, такъ что соціалъ-демократіи остается только уничтожить существующее противорѣчіе между формой владѣнія и формой производства, между юридическимъ правомъ частной собственности и экономическимъ фактомъ коллективнаго производства. Но разъ въ Россіи капитализмъ находится въ первой стадіи своего развитія, то очередной задачей соціалистической партіи является по мнѣнію соціалъ-демократовъ—устраненіе всѣхъ препятствій, мѣшающихъ капитализму свободно развиваться, уничтоженіе всѣхъ остатковъ патріархально-феодальнаго періода. Вотъ почему они увѣряютъ, что настоящая революція должна быть и будетъ буржуазной революціей, вотъ почему они считаютъ нужнымъ временно бороться совмѣстно съ оппозиціонной буржуа-

зiей, вотъ почему они выдвигаютъ только такія требованія въ пользу рабочихъ, которыя не затрагиваютъ основъ современнаго строя.

Въ противоположность имъ, мы не думаемъ, что одинъ только скопленный въ большихъ фабрикахъ пролетаріатъ способенъ проникнуться идеями анархическаго коммунизма. Мы вѣримъ, что всѣ угнетенные и обездоленные современнымъ строемъ, всѣ тѣ, которые стонутъ подъ игомъ жандармско-буржуазнаго режима, всѣ они могутъ воспринять наши идеи, стать въ ряды нашихъ борцовъ. Поэтому, наша проповѣдь анархизма обращена не только къ рабочимъ, но и къ крестьянамъ, къ живущимъ своимъ трудомъ ремесленникамъ, къ значительной части передовой интеллигенціи, и, наконецъ, къ подонкамъ современнаго общества—люмпенпролетаріату. Поэтому же намъ нечего ждать расцвѣта капитализма, нечего отодвигать день соціальной революціи въ туманную даль будущаго, нечего прикрывать знаменемъ соціализма, быть можетъ и честную, но затемняющую работу мелкихъ реформъ, частичныхъ улучшеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ крупныхъ уступокъ и все возрастающихъ компромиссовъ съ буржуазнымъ міромъ.

Мы старались безпристрастно изложить взгляды соціалъ-демократовъ и противопоставить имъ наши взгляды: они противоположны. И въ насъ говоритъ не мелкое чувство личной обиды, не узкій-партійный фанатизмъ, если мы объявляемъ, что никакие союзы, никакая *прочная* совмѣстная работа, никакія *серьезныя* соглашенія между нами и соціалъ-демократами невозможны.

Сдѣлаемъ теперь шагъ справа на лѣво, разсмотримъ повнимательнѣе намѣренія и тактику соціалистовъ-революціонеровъ. «Мы не ставимъ революціи никакихъ внѣшнихъ границъ. Только количество и качество силы творческой и разрушительной, накопленной рабочимъ народомъ въ процессѣ борьбы и ограничиваетъ въ каждый данный моментъ его революціонныя задачи». Такъ формулировалъ г. Тучкинъ на первомъ съѣздѣ соціалистовъ-революціонеровъ отношеніе этой партіи къ русской революціи. Какъ видите, постановка вопроса сдѣлала въ революціонномъ духѣ, подходитъ г. Тучкинъ къ вопросу совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ соціалъ-демократы. Но г. Тучкинъ въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ старается задушить всѣ революціонные зародыши, которые содержатся въ его формулировкѣ и этимъ онъ дѣлаетъ прыжокъ въ сторону соціалъ-демократіи, дѣлаетъ въ значительной степени мнимымъ все разногласіе въ теоретической части вопроса. Видите-ли, нельзя ставить никакихъ внѣшнихъ границъ революціи, вѣдь это нереволюціонно, но можно предугадать границы революціи, а результатъ почти одинъ и тотъ же. И г. Тучкинъ гадаетъ. «Соціализація фабрично-заводской промышленности предполагаетъ соціализацію распредѣленія, предполагаетъ созданіе цѣлаго ряда учрежденій, дѣлающихъ возможнымъ новую, планомѣрную организацію общаго труда на общую пользу; предполагаетъ, напр., хотя бы такую статистику потребленія, о которой мы сейчасъ лишь съ трудомъ можемъ составить себѣ представленіе».

А на это не окажутся способными рабочіе, у нихъ не хватитъ энергіи и силъ, чтобы добиться захвата фабрикъ и заводовъ, но хватитъ интеллигентности, чтобы использовать свою побѣду. А потому проповѣдь соціализаціи фабрикъ и заводовъ «плоско-демагогическія» стремленія, съ которыми серьезная партія с.-р. считаетъ своимъ морально политическимъ долгомъ бороться.

Мы, анархисты-синдикалисты,*) не менѣе соціалистовъ-революціонеровъ сознаемъ всю сложность и трудность процесса, который въ цѣломъ называется соціальной революціей. Вѣдь революціонный синдикализмъ ставитъ своей цѣлью не только подготовить рабочихъ ко всеобщей забастовкѣ,—прелюдіи революціи, онъ, организуя рабочихъ, этимъ самымъ создаетъ тѣ ячейки свободныхъ союзовъ, которыя на день послѣ революціи возьмутъ на себя организацію и распредѣленіе производства. Мы даже заявляемъ, что скорость и легкость съ которой водворится будущій строй прямо пропорціонально степени организованности и сознательности рабочихъ наканунѣ революціи. И если-бы мы работали послѣднія десятилѣтія въ Россіи, то направили-бы всю нашу энергію, всю нашу дѣятельность, чтобы подготовить народъ не къ учредительному собранію, не къ демократической республикѣ, а къ соціалистическому самоуправленію. Но исторіи угодно было выдвинуть на первый планъ другія партіи и насъ революція захватила въ значительной степени недостаточно организованными. Теперь передъ нами альтернатива: или использовать революціонный моментъ, чтобы наверстать потерянное, отвлечь вниманіе рабочихъ массъ отъ политической борьбы, въ той формѣ, какъ она теперь ведется, сконцентрировать всѣ ихъ мысли и чувства вокругъ одной идеи: соціальной революціи, организовать ихъ для одной задачи: захвата орудій и средствъ производства. А эта трудная работа въ значительной степени облегчается намъ именно тѣмъ, что мы работаемъ при повышенной температурѣ общественнаго организма, въ революціонной атмосферѣ, когда каждая жизненная, отвѣчающая насущнымъ потребностямъ массъ, идея распространяется съ заразительной быстротой, а народная психика и энергія развиваются съ головокружительной скоростью. Или же, напугавшись сложности и трудности предстоящей работы, испугавшись возможныхъ треній и неурядицъ, вслѣдствіе отсутствія идеальной организаціи, при формулированіи новаго общества, боясь, наконецъ, разомъ и окончательно разстаться съ такъ старательно намъ внушенной мыслью, что путь въ обѣтованную землю соціализма ведетъ только черезъ страшную пустыню, гдѣ свободно рыщутъ хищники биржи и вампиры капитала, преисполнившись всѣхъ этихъ страховъ, напередъ отказаться отъ борьбы, объявить свое собственное безсиліе, подорвать вѣру рабочихъ, поколебать ихъ рѣшимость бороться до конца и этимъ самымъ сдѣлать въ дѣйствительности невозможнымъ переходъ къ новому общественному строю. Мы, анархисты, избираемъ первый путь, соціалисты-революціонеры второй. И на основаніи какихъ данныхъ они дѣлаютъ роковой шагъ революціоннаго самоубійства?

На основаніи гаданій и предположеній въ самой темной области человѣческаго знанія, въ области, гдѣ такъ много неизвѣстнаго, и такъ мало извѣстно, гдѣ все или съ трудомъ или почти совсѣмъ не дается учету и подсчету, словомъ въ области психики массъ. И оцѣниваютъ они не качества этой психики въ данную минуту, а думаютъ предугадать возможныя границы ея развитія въ ближайшемъ будущемъ при совершенно новыхъ, не имѣвшихъ еще мѣста обстоятельствахъ. И—

*) Просимъ не смѣшивать синдикализмъ съ трэдъ-іонистами и профессіальными союзами. Подробнѣе о синдикализмѣ мы поговоримъ въ ближайшихъ номерахъ.

ихъ не останавливаетъ сознаніе, что до сихъ поръ это было привиллегіей мракобѣсовъ и политическихъ недорослей встрѣчать каждое освободительное движеніе зловѣщимъ карканіемъ: народъ еще не подготовленъ. Вѣдь то, что говорилъ на съѣздѣ г. Тучкинъ повторяли и повторяютъ въ Европѣ послѣдовательнѣйшіе оппортюнисты-бернштейніанцы, заявленія которыхъ встрѣтили въ свое время горячій отпоръ со стороны далеко не революціонно-настроенныхъ Бебеля, Каутскаго и покойнаго Либкнехта. Но, скажутъ намъ, это заграницей, гдѣ имѣются прекрасныя рабочія организаціи, гдѣ народъ ужъ долго воспитывается въ политической свободѣ. Тамъ таки возможна соціальная революція. Не будемъ останавливаться на вопросѣ, дѣйствительно-ли такъ много дала политическая свобода западноевропейскому рабочему.

Примемъ возраженіе безъ оговорокъ. Соглашаемся, западно-европейскій пролетаріатъ лучше организованъ.

Не забудемъ, однако, что сравнивая только степень организованности нашихъ и западноевропейскихъ рабочихъ, мы поступаемъ крайне односторонне. Надо вѣдь принять во вниманіе и тотъ матеріалъ, надъ которымъ рабочіе должны оперировать. Отношенія послѣдняго къ степени организованности только и можно сравнивать. При такой постановкѣ вопроса мы беремъ на себя смѣлость сказать: разница въ подготовленности къ соціальной революціи западно-европейскаго и русскаго пролетаріата вовсе не такъ велика, какъ желаютъ насъ увѣрить нѣкоторые «серьезные политики». И мы объяснимъ ихъ двойственную и нерѣшительную программу гипнозомъ теоріи стадій, да безсознательной трусостью мысли.

Присмотрѣвшись ближе къ программѣ соціалистовъ-революціонеровъ, мы приходимъ къ заключенію, что и съ ними у насъ мало точекъ соприкосновенія. Нѣкоторая совмѣстная работа возможна въ деревнѣ и то постольку, поскольку они признаютъ захватъ земли крестьянами, поскольку они противъ частной собственности на землю. Но на каждомъ шагу мы будемъ указывать на половинчатость ихъ программы, будемъ изобличать ихъ полусоціализмъ, будемъ проповѣдовать послѣдовательный коммунизмъ. Скажемъ крестьянамъ, что эта партія оставляетъ въ силѣ государство, армію, центральную власть, что эта власть опять захочетъ командовать надъ крестьянами, будетъ облагать ихъ новыми налогами, издавать для нихъ новые законы, карать за нарушеніе этихъ законовъ. Въ противоположность этому мы будемъ проповѣдовать наши идеи безгосударственности, анархіи. Таковы условія нашей работы съ соціалистами-революціонерами въ деревнѣ.

Въ городѣ-же наши отношенія къ нимъ ничѣмъ не разнятся отъ нашихъ отношеній къ соціалъ-демократамъ. Пока мы не овладѣемъ широкими рабочими массами въ городахъ, мы войдемъ во всякое революціонное движеніе лѣвыхъ партій, чтобы расширить его, чтобы пропитать его нашими идеями. И здѣсь мы не устанемъ повторить, что борьба за свободу должна быть доведена до конца, до полнаго уничтоженія всякой власти, всякаго авторитета. Мы не перестанемъ твердить, что соціальная революція должна быть доведена до конца, до захвата земли крестьянскими ассоціаціями. Но мы воздержимся отъ всякой личной полемики, будемъ оставлять безъ отвѣта всѣ личные нападки и ругательства, которыя уже сыплются на насъ и будутъ сыпаться, какъ изъ рога изобилія. Этого отъ насъ требуетъ серьезность переживаемаго момента!

Изъ бѣглаго и неполнаго обзора вы видите, какая сложная, разнообразная работа намъ предстоитъ. Вы видите, что у насъ почти нѣтъ союзниковъ, что мы можемъ разсчитывать только на самихъ себя. Намъ предстоитъ не легкій путь по торной дорогѣ, передъ нами не слабый врагъ, который сдается послѣ перваго штурма. Намъ нужно проявить много творчества, искать новыхъ путей; намъ предстоитъ упорная, тяжелая, полная жертвъ борьба съ сильнымъ, жестокимъ, безцеремоннымъ врагомъ. Поэтому, мы зовемъ въ ряды піонеровъ анархизма самыхъ смѣлыхъ и сильныхъ, зовемъ всѣхъ тѣхъ, въ чьей груди яркимъ и свѣтлымъ огнемъ горятъ наши идеалы. Этимъ безстрашнымъ, непреклоннымъ борцамъ мы говоримъ: «Смѣло за работу! Помните, что если цѣнность жизни въ стремленіи къ идеалу, то смыслъ жизни въ борьбѣ за идеалъ. Помните, что буржуазно-государственный Карѳагенъ долженъ быть теперь-же разрушенъ, и что только подъ двойнымъ давленіемъ массовой энергіи народнаго большинства и высоко напряженной энергіи революціоннаго меньшинства онъ будетъ разрушенъ!

А—ъ.

НАШИ ЗАДАЧИ.

(Продолженіе)

Отрицая Государство, анархизмъ стремится въ то же время и къ уничтоженію частной собственности, въ которой онъ видитъ, если не единственную, то во всякомъ случаѣ главную причину соціальнаго зла. Всегда и вездѣ, съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ, собственность служила стимуломъ какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго насилія; всегда и вездѣ, невзирая на постоянный ростъ нашихъ богатствъ, она для широкихъ массъ была лишь источникомъ нищеты и страданія; она породила ту жестокую классовую борьбу, которая наполняетъ собою всю исторію и которая съ каждымъ днемъ становится все острѣе и острѣе; она поработила экономически и политически трудящіеся и производительные элементы общества, сконцентрировавъ въ рукахъ немногихъ накопленныя сокровища, какъ матеріальныя, такъ и духовныя, въ рукахъ элементовъ мало трудящихся и непроизводительныхъ; она создала ту удушливую атмосферу лжи и лицемѣрія, атмосферу отвратительной и безпредѣльной жадности, въ которой все труднѣе и труднѣе становится дышать современному человѣку; она, наконецъ, поработила и, что гораздо хуже, испортила индивида, нравственно изуродовала его, выработавъ въ немъ хищническій и алчный инстинктъ собственника, заперевъ его вольный и мощный духъ въ тѣсныя рамки гнуснаго меркантилизма... Собственность должна исчезнуть поэтому не только для того, чтобы положить конецъ экономическому и соціальному гнету огромнаго большинства, но и для того еще, чтобы дать возможность подняться и духовно возродиться индивиду, освободивъ его отъ нравственнаго рабства, столь-же ужаснаго по своимъ послѣдствіямъ, какъ и рабство экономическое.

Это послѣднее соображеніе настолько важно, что мы считаемъ необходимымъ остановиться на немъ подольше.

Для поверхностнаго наблюдателя современный строй является прямо какой-то загадкой. Трудно понять, какимъ образомъ держится и процвѣтаетъ строй, который огромному большинству людей доставляетъ несрав-

ненно больше невыгодъ, чѣмъ преимуществъ; трудно понять, почему большинство это пользуется своей силой не для того, чтобы разбить цѣпи, налагаемыя на него этимъ строемъ, а, наоборотъ, для того, чтобы закрѣпить свои оковы, свое вѣковое рабство; трудно понять почему оно такъ ревностно охраняетъ порядки, которыхъ оно же является постоянной жертвой, почему оно ожесточенно преслѣдуетъ тѣхъ, кто старается открыть ему глаза, показать ему весь ужасъ его положенія. Какъ объяснить тотъ фактъ, что масса не только терпитъ, не только выноситъ рабское иго, отъ котораго она легко могла бы освободиться, но еще и отстаиваетъ его какъ нѣчто необходимое ей, какъ нѣчто такое, безъ чего общественная жизнь рѣшительно невозможна?

На этотъ вопросъ, по нашему, имѣется только одинъ возможный отвѣтъ: дѣло въ томъ, что мы перестали быть рабами *по принужденію* и сдѣлались рабами *по убѣжденію*. Цѣлые вѣка частной собственности и насилія выработали, наконецъ, въ индивидѣ психику раба, боящагося свободы. Въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ, гдѣ частная собственность отсутствуетъ, интересы каждаго члена тѣсно связаны съ интересами всего общества; его благосостояніе, его покой, его безопасность — въ прямой зависимости отъ благосостоянія, покоя и безопасности общества: онъ знаетъ, что работая въ пользу общую, онъ тѣмъ самымъ работаетъ и для себя. Такое положеніе вещей исключаетъ даже возможность угнетенія одного члена общества другимъ, наоборотъ, оно неизбѣжно развиваетъ чувство солидарности, стремленіе всегда и во всемъ помочь своему ближнему. Всѣ тѣ, кому приходилось изучать нравы первобытныхъ людей свидѣтельствуютъ объ ихъ замѣчательной отзывчивости, ихъ правдивости и трогательномъ гостепріимствѣ. Съ возникновеніемъ частной собственности и ея необходимаго спутника-власти обстоятельства быстро измѣняются. Человѣкъ отнынѣ чувствуетъ, что благосостояніе его зависитъ исключительно отъ *его собственности*; болѣе того: онъ знаетъ, что ростъ этого благосостоянія тѣсно связанъ съ ростомъ его собственности, что съ увеличеніемъ его богатствъ сопряжены и большее могущество и болѣе полное, болѣе широкое пользованіе благами жизни. Отсюда постоянная необходимость для каждаго расширять какъ можно больше размѣры своей собственности... Такимъ образомъ человѣкъ постепенно превращается въ хищника. Загорается упорная, ожесточенная борьба, въ которой одолѣваютъ, конечно, самые сильные (единицы или классы). Что касается власти, то ея роль сводится къ тому, чтобы санкціонировать эту побѣду наиболѣе сильныхъ. Для этого она создаетъ законы и сверхъ того, содѣйствуетъ выработкѣ приспособленной для этой цѣли системы морали основанной главнымъ образомъ на принципѣ неприкосновенности частной собственности. И это буржуазно-меркантильная мораль рабовъ, достигаетъ своего назначенія: постепенно побѣжденные мирятся со своимъ положеніемъ, свыкаются съ нимъ, какъ съ чѣмъ-то естественнымъ, смирятся почти... Прежніе рабы по насилію становятся подъ конецъ рабами по убѣжденію! Они не презираютъ уже своихъ враговъ, а завидуютъ имъ; они стремятся вонъ изъ рядовъ угнетаемыхъ, но для того только, чтобы стать угнетателями; они жаждутъ свободы, но для того только, чтобы поработить другихъ; ихъ возмущаетъ не эксплуатація, а то что жертвами эксплуатаціи являются они, а не другіе, — ихъ идеалъ не свобода, а господство; они не разрушаютъ современнаго строя потому, что надѣясь воспользоваться современемъ его преимуществами, потому что *признаютъ* рабство, правда, для другихъ только; они — убѣжденные рабы!

Таковы послѣдствія того нравственнаго рабства, о которомъ мы говорили выше. Если современный господствующій классъ, если буржуазія еще такъ могущественна и непобѣдима, если обездоленнымъ и эксплуатируемымъ слоямъ общества такъ трудно справиться съ нею и стряхнуть съ себя ея тяжелое иго, виновата въ томъ не свойственная самой буржуазіи сила, а наша собственная слабость; мы же слабы не потому, что въ распоряженіи буржуазіи находятся солдаты и пушки (мы сами ихъ ей даемъ) не потому, что она владѣетъ всѣми источниками богатствъ, а у насъ ничего нѣтъ, а потому, что мы *психически* порабощены. Буржуазно-меркантильная мораль, на которой мы воспитывались въ теченіе долгихъ вѣковъ, сдѣлала свое дѣло: она внушила намъ мысль о необходимости, о неизбѣжности власти и чувство преклоненія предъ нею; она выработала въ насъ какое то, чуть-ли не мистическое уваженіе къ частной собственности и къ правамъ собственника; она убила въ насъ могучій и славный духъ протеста, замѣнивъ его низкимъ и мелочнымъ духомъ зависти... И въ этомъ духовномъ искаженіи, въ этомъ нравственномъ изуродованіи современнаго человѣка, и только въ немъ, кроется вся тайна могущества буржуазіи. И лишь возродившись, т. е. освободившись предварительно *психически*, эксплуатируемые и порабощенные классы въ состояніи будутъ одолѣть своего врага и совершить соціальную революцію. Но для этого они раньше всего должны уничтожить причины, развращающія ихъ, они должны уничтожить частную собственность и государство. Никакая коренная перемѣна невозможна въ соціальной жизни, пока не исчезнутъ эти два краеугольныхъ камня буржуазнаго строя, пока окончательно и безповоротно не будутъ стерты слѣды всѣхъ политическихъ и юридическихъ нормъ опирающихся на нихъ, пока не рухнутъ эти бастиліи организованнаго и вѣкового насилія одного класса надъ другимъ, общества надъ личностью! Никакое обновленіе общества немыслимо пока бурный и гордый потокъ революціи не снесетъ этихъ основъ стараго, отживающаго міра! Никакое нравственное возрожденіе недоступно для индивида, пока онъ не будетъ освобожденъ отъ этихъ непосредственныхъ причинъ его нравственнаго уродства, его духовной слабости!...

Но упраздненіе частной собственности и государства — это еще не рѣшеніе соціальнаго вопроса; это только разрушеніе извѣстныхъ соціально-экономическихъ рамокъ, въ которыхъ втеченіе долгихъ вѣковъ жило и страдало человѣчество и которыя стали подъ конецъ слишкомъ узки и тѣсны для него; это уничтоженіе устарѣлыхъ формъ общежитія, изъ которыхъ уже выросъ и къ которымъ не можетъ приспособиться болѣе современный человѣкъ; однимъ словомъ — это только *отрицаніе*. Но всякому отрицанію необходимо противопоставить положительныя данныя; съ философской точки зрѣнія рельефность контраста между отрицаемыми и положительными въ значительной мѣрѣ помогаетъ мысли усвоить себѣ самую необходимость даннаго отрицанія; въ практическомъ-же отношеніи такой контрастъ несравненно болѣе могучъ, какъ стимулъ или призывъ къ дѣятельности, чѣмъ чисто отрицаніе. Мы тѣмъ смѣлѣе сдѣлаемъ что-нибудь, чѣмъ лучше знаемъ для чего мы это дѣлаемъ; мы смѣлѣе и

бодрѣе идемъ впередъ, когда знаемъ куда идемъ... Кромѣ того, противоставленіе положительныхъ данныхъ отрицанію, т. е. въ данномъ случаѣ: указаніе на тѣ соціально-экономическія формы, которыя должны замѣстить обреченные на гибель частную собственность и государство, имѣетъ еще то огромное преимущество, что оно намѣчаетъ путь революціоннымъ силамъ, заставляетъ ихъ дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи. Если всѣ происшедшія до сихъ поръ революціи не дали почти никакихъ результатовъ и остались безплодными, то произошло это именно потому, что возстававшій народъ всегда прекрасно понималъ или скорѣе чувствовалъ съ чѣмъ и противъ кого онъ боролся, но никогда точно не зналъ къ чему онъ стремился. Можно даже сказать, и это далеко не парадоксъ, что за рѣдкими исключеніями, почти всѣ прошлыя революціи представляютъ собой простое реагированіе народныхъ массъ: онѣ реагировали на притѣсненія и страданія, какъ реагируетъ лягушечья лапка на электрическій токъ... Онѣ не поднимались для того, чтобы создать что нибудь новое, онѣ не задавались какой нибудь опредѣленной творческой цѣлью; всѣ усилія ихъ были главнымъ образомъ направлены на то, чтобы разрушить, разгромить, уничтожить все стѣснявшее и мучившее ихъ, чтобы такъ или иначе избавиться отъ своего тягостнаго положенія... А что дальше? что будетъ, когда революціонный вихрь утихнетъ? что выростетъ на развалинахъ опрокинутаго ими только что соціальнаго зданія? Надъ этими вопросами онѣ почти никогда не задумывались. Отсюда тѣ, столь частые и удивительные возвраты къ прошлому, которыми изобилуетъ исторія; отсюда столь частое и поразительное возрожденіе старыхъ режимовъ, неоднократно уже смытыхъ революціонной волной; отсюда цезари послѣ республики, какъ въ древнемъ Римѣ или Наполеоны послѣ революціи, какъ въ современной Франціи!...

Поэтому, упраздняя частную собственность и государство, уничтожая буржуазный строй, необходимо, чтобы революціонныя массы помнили, что имъ предстоитъ еще и созидательная, творческая работа; необходимо, чтобы онѣ знали, какой новый режимъ онѣ должны воздвигнуть на мѣсто стараго; необходимо, чтобы этотъ новый режимъ былъ достаточно устойчивъ, дабы сдѣлать невозможнымъ всякій возвратъ къ отжившимъ порядкамъ. Но это послѣднее условіе осуществится по нашему лишь въ томъ случаѣ, если новый режимъ выразится въ формѣ анархистическаго коммунизма.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Максимъ Дубинскій.

***

То былъ нашъ первый царь!...
Впервые Русь познала
Опричнину, тюрьму, застѣнки, эшафотъ...
Лилась рѣкою кровь... и тяжко застонала,
Несчастная страна!... И клялъ царя народъ...
Могучій временщикъ и другъ царя—Малюта
Шпіоновъ, палачей, опричнины патронъ
Въ застѣнкѣ для себя другой поставилъ тронъ
И Русью управлялъ посредствомъ пытокъ лютыхъ...
То былъ нашъ первый царь и первый временщикъ...
Но вотъ прошли вѣка... и вновь несутся стоны...
Какъ фениксъ эшафотъ изъ пепла вновь возникъ...
Вновь пытки, вновь тюрьма, и вновь въ крови корона!...
Взошелъ на эшафотъ опять съ петлей палачъ...
Опричнина царитъ и вновь народъ страдаетъ...
Вновь женъ и матерей несется стонъ и плачъ
И снова временщикъ всей Русью управляетъ...
И чудится порой, что Грозный и Малюта
Возстали изъ гробовъ и властвуютъ, какъ встарь...
Но нѣтъ, не спитъ народъ... близка уже минута
Когда падетъ тиранъ...
Онъ нашъ послѣдній царь.

В. Озеровскій.

ОТГОЛОСКИ СВОБОДНЫХЪ СТРАНЪ.

Французское правительство при посредствѣ своихъ лакеевъ судей и «во имя французскаго народа» осудило А. Соколова на 5 лѣтъ тюрьмы. За что за то, что онъ сопровождалъ Стригу въ Венсенскій лѣсъ, гдѣ произошелъ взрывъ бомбы, которую Стрига несъ въ своемъ карманѣ. Бомба убила Стригу и ранила Соколова. Никакихъ доказательствъ не было, что Соколовъ принималъ участіе въ изготовленіи этой бомбы, или, что онъ зналъ, что Стрига несетъ бомбу. Пять лѣтъ тюрьмы!

Радикально-соціалистическое правительство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы доказать свою готовность травить русскихъ революціонеровъ. Всѣ правительства сходны и какъ бы они не именовались, ихъ цѣль всегда одна и та-же: защищать всѣми средствами паразитовъ богачей и власть имущихъ какой бы національности они не были.

***

Въ французскихъ каменноугольныхъ копяхъ Курьеръ, благодаря жадности капиталистовъ, благодаря ихъ нежеланію пріостановить работу для необходимыхъ поправокъ погибло мучительной смертью 1200 рабочихъ. Это ужасное капиталистическое преступленіе возмутило общественное мнѣніе и волей-неволей правительство должно было идти за общественнымъ мнѣніемъ. Назначены были самыя строжайшія слѣдствія, министры говорили объ экспропріаціи, депутаты громили противъ убійцъ капиталистовъ, и мало-по-малу общественное мнѣніе затихло, вдовы и сироты забылись и 1200 убитыхъ рабочихъ спятъ вѣчнымъ сномъ. Но «строжайшія» слѣдствія продолжались. И въ то время, какъ капиталисты выгоняли вдовъ и сиротъ изъ квартиръ компаніи, слѣдствіе окончилось оправданіемъ инженеровъ и капиталистовъ. И это понятно. Правительство, какое

бы оно ни было существуетъ только для защиты богатаго противъ бѣднаго, для помощи богатому въ эксплуатаціи бѣднаго. Тѣмъ хуже для рабочихъ, если, вмѣсто того, чтобы жить свободно безъ правительства они сами избираютъ ихъ, какъ будто бы могутъ существовать правители, дѣйствующіе иначе, какъ противъ бѣдныхъ и рабочихъ.

* * *

Американскіе капиталисты, конечно, практичнѣе французскихъ. Въ Чикаго, вмѣсто того, чтобы уничтожать больной скотъ и выбрасывать падаль—чистый убытокъ—они превращали его въ консервы и колбасы, если рабочій самъ всецѣло или рука его попадали въ машины они не останавливали машины и дѣлали изъ рабочаго консервы или колбасы—чистая прибыль. Всякія санитарныя коммиссіи, наблюдатели работы и т. д. назначенные правительствомъ знали объ этомъ, но такъ какъ молчаніе—золото, они молчали. Публика покупала консервы, ѣла ихъ и умирала и извѣстно, что 3000 американскихъ солдатъ умерло во время войны съ Испаніей, отравленные этими консервами. Правительство, самое демократическое, знало обо всемъ этомъ и такъ какъ оно не можетъ не покровительствовать національной торговлѣ, оно тоже молчало. Торговля вездѣ есть одно и тоже, воровство, экспропріація, мошенничество и почти всегда отравленіе массъ. Пока будетъ существовать Частная Собственность, будетъ существовать торговля и будетъ существовать для защиты легальныхъ воровъ и легальныхъ отравителей народа.

Конечно, общественное мнѣніе возмущено и правительство свободной Америки приняло мѣры. Противъ капиталистовъ, комиссій, надзирателей? Нѣтъ! Противъ анархистовъ, напугавшихъ испанскаго короля и противъ русскихъ и другихъ анархистовъ, борящихся за свободное общество безъ правителей и капиталистовъ. Демократическая Америка приняла свои мѣры! Запрещено людямъ, непризнающимъ власти являться въ Америку.

* * *

«Свободная» Швейцарія имѣетъ свободу слова, свободу печати и кучу всякихъ другихъ свободъ... Только опасно ими пользоваться, если ваши взгляды рѣзко отличаются отъ взглядовъ «народныхъ представителей». Нашъ товарищъ Бертони, по поводу убійства италіянскаго короля Гумберта, высказалъ въ своемъ журналѣ мнѣнія, несоотвѣтствующія мнѣніямъ здѣшнихъ «республиканцевъ». Результатъ: журналъ конфискованъ и Бертони, за свое несочувствіе къ королямъ сидитъ покамѣстъ въ предварительномъ заключеніи. Каждый законъ есть ограниченіе свободы; законная «свобода» уже не есть свобода, это насиліе, стѣсненіе, рабство и свобода не существуетъ тамъ, гдѣ существуетъ законъ.

ЭТИКА ТЕРРОРА.

Каждый государственно-экономическій строй зарождаетъ и способствуетъ развитію анти-соціальныхъ актовъ, соотвѣтствующихъ этому строю. Сообразно этому строю и этимъ анти-соціальнымъ актамъ вырабатывается также мораль и эта мораль является средствомъ приспособленія индивида къ данному строю и въ тоже время п а с с и в н ы м ъ протестомъ противъ того же строя. Оставляя внѣ критики самыя основы общества: Частную Собственность и Государство, мораль—какова бы она ни была—научная, религіозная, атеистическая—становится фатально поддержкой этого общества, она фатально становится связывающимъ звеномъ частной собственности и государства. Мораль, какъ пассивный протестъ, вращаясь въ сферѣ даннаго постоянно дѣйствующаго строя фатально становится активной силой и эта сила дѣйствуетъ въ цѣляхъ и намѣреніяхъ даннаго строя. Стараясь улучшить человѣка, его моральное «я», его «душу» независимо отъ матеріальныхъ условій, независимо отъ среды, мораль отвлекаетъ его отъ борьбы противъ неблагопріятныхъ условій, и даетъ ему возможность пассивно приспособиться къ этимъ условіямъ.

Беря человѣка такимъ, какимъ создало его данное общество и улучшая э т о г о человѣка, независимо отъ улучшенія среды, мораль дѣлаетъ его «хорошимъ гражданиномъ», «честнымъ работникомъ», вѣрною супругой» и т. д., т. е. всегда хорошимъ терпѣливымъ рабомъ. Развивая въ человѣкѣ дуализмъ и опираясь на этотъ дуализмъ, мораль дѣлаетъ его н е ц ѣ л ь н ы м ъ; онъ создаетъ барьеръ между его мыслями и его дѣйствіями, между его чувствами и актами. Прививая ему принципы, она съуживаетъ его горизонтъ и дѣлаетъ его неспособнымъ свободно мыслить, свободно чувствовать, понять чувство и акты другого лица. Мораль уноситъ человѣка въ облака метафизики и тѣмъ самымъ позволяетъ заковать его на землѣ цѣпями. Рабскому обществу соотвѣтствуетъ рабская же мораль. Свобода имѣетъ свою свободную мораль безъ «принциповъ», безъ санкцій, безъ обязательствъ. Мораль свободы это—свобода; мораль жизни это—жизнь; мораль человѣка это—быть человѣкомъ. И въ революціонный періодъ государственная мораль терпѣнія, повиновенія, пассивности и усовершенствованія своего рабскаго «я» замѣняется свободной моралью жизни, борьбы. Дуализмъ исчезаетъ, человѣкъ мыслитъ, чувствуетъ и его мысли и чувства вытекаютъ въ дѣйствія—революціонныя дѣйствія и тѣмъ самымъ моральныя дѣйствія.

Намъ говорятъ: революціонныя дѣйствія могутъ быть террористическими актами и эти акты не этичны и ничего общаго съ моралью не имѣютъ. Конечно, этотъ взглядъ вѣренъ съ точки зрѣнія государственно-религіозной морали. Конечно, мораль скромности, терпѣнія, повиновенія, самоуничиженія и несопротивленія злу несовмѣстима съ терроромъ. Конечно, любовь къ ближнему, каковъ бы то онъ ни былъ, будь ли онъ Николай, Плеве, Абрамовъ или Треповъ, конечно, мораль любви къ врагамъ и въ особенности къ врагамъ несовмѣстима съ терроромъ. Но эта рабская мораль ничего общаго не имѣетъ съ какой бы то ни было ж и з н е н н о й моралью. Эта рабская мораль ведетъ къ моральной смерти; она создаетъ «живыхъ труповъ», автоматовъ и ничего общаго не имѣетъ жизнью и живыми людьми. Это «мораль» повиновенія, самоуничиженія, терпѣнія необходима для тюремъ, казармъ, домовъ терпимости и политическихъ партій; она необходимаго для современнаго государственно-экономическаго строя. Тамъ, гдѣ богатства создаются легальнымъ грабежомъ, медленнымъ и легальнымъ убійствомъ, тамъ гдѣ торговля есть лишь легальное мошенничество и воровство, легальное отравленіе массъ; тамъ гдѣ существуютъ правители—господа съ ихъ ордами убійцъ-солдатъ, предателей-шпіоновъ, инквизиторовъ-судей, тупоумныхъ піявокъ-бюрократовъ тамъ эта мораль необходима,

Тамъ гдѣ мужчина, чтобы жить долженъ продавать силу и знаніе; тамъ, гдѣ женщина, чтобы жить дол-

жна продавать свою красоту и свой полъ, тамъ, гдѣ вся жизнь сведена къ гнусной борьбѣ каждаго противъ всѣхъ изъ за куска хлѣба, тамъ, гдѣ необходима мораль повиновенія, терпѣнія пассивности, дисциплины и уваженія жизни враговъ. Благодаря этой морали богатый можетъ спокойно эксплуатировать бѣднаго; сытый легальный воръ сможетъ спокойно покупать и развращать его голодныхъ дочерей; купецъ, промышленникъ можетъ спокойно грабить и отравлять покупщика, потребителя; судья инквизиторъ, легальный убійца можетъ спокойно посылать на каторгу и висѣлицу нелегальныхъ, неловкихъ воровъ и убійцъ— продукты и жертвы ненормальныхъ условій жизни.

Благодаря этой морали солдатъ можетъ спокойно разстрѣливать голодную беззащитную толпу, требующую больше хлѣба, больше справедливости; государство можетъ спокойно высылать послѣдніе соки трудящихся массъ, можетъ спокойно разорять и грабить рабочихъ и крестьянъ. Это государственно-религіозная мораль мораль смерти, подлости и трусости—не наша мораль; она ничего общаго не имѣетъ съ нашей этикой.

И отрицая Частную Собственность, Государство мы также отрицаемъ присущую имъ «мораль».

Мы анархисты; мы стремимся и боремся за такое общество, гдѣ каждый будетъ своимъ собственнымъ господиномъ, своимъ собственнымъ хозяиномъ, гдѣ братство и равенство будутъ фактически существовать, гдѣ каждый можетъ свободно прилагать свою энергію, свою инициативу, свой трудъ, гдѣ аффективныя чувства могутъ свободно развиваться, гдѣ всѣ и каждый въ атмосферѣ жизнерадости и солидарности будетъ мирно бороться съ природными силами за лучшее и лучшее будущее.

Мы анархисты. И страданія оборванныхъ, голодныхъ крестьянъ — это наши страданія; страданія оборванныхъ, голодныхъ рабочихъ—это наши страданія; слезы матерей, слезы насилуемыхъ женщинъ, слезы умирающихъ отъ холода и голода дѣтей—это наши слезы; кровь крестьянъ и рабочихъ, кровь такъ обильно проливаемая всѣми сытыми и богатыми, всѣми правителями, каковы бы они ни были—это наша кровь. И ихъ жажда справедливости, ихъ жажда лучшей жизни—это наша жажда; ихъ глухая ненависть, ихъ подавленный гнѣвъ противъ правителей и властителей—это наша ненависть, нашъ гнѣвъ. И жить пассивно въ этой невыносимо-гнусной безпросвѣтной средѣ намъ морально невозможно, и морально чувствуемъ себя обязанными реагировать всѣми соотвѣтствующими средствами и морально мы не можемъ не прибѣгать къ террору, когда терроръ является проявленіемъ высшей морали. Террористическій актъ вытекаетъ изъ чувства солидарности страданій всѣхъ противъ современнаго строя; онъ есть откликъ чувствительной морально-утонченной души цѣльнаго индивида. Онъ есть самое широкое человѣческое чувство ко всѣмъ страдающимъ, выливающееся въ активную ненависть всякихъ тирановъ. Любить — недостаточно,—нужно умѣть еще ненавидѣть, и ненависть зла, ненависть насилія, ненависть власти и всѣхъ ея защитниковъ есть еще болѣе социально-полезное чувство, еще болѣе моральное чувство, чѣмъ любовь.

Но любовь, какъ и ненависть есть само по себѣ безграничное чувство, если оно не переходитъ въ актъ. И становясь дѣйствующимъ чувствомъ, любовь къ угнетеннымъ и ненависть къ угнетателямъ сливается въ одну реальность: активный протестъ противъ существующаго строя, активный протестъ противъ активныхъ защитниковъ этого строя.

И на почвѣ дѣйствующихъ чувствъ, если солидарность, любовь, ненависть, чувство справедливости моральны,—моральны только акты, тѣсно связанные съ этими чувствами,—и терроръ, какъ актъ, вытекающій изъ высшихъ социально-моральныхъ чувствъ, неразделимъ отъ этихъ чувствъ есть самъ по себѣ высшій моральный актъ.

Любовь къ страдающимъ, доведенная до высокой степени — даетъ самоотверженіе. Ненависть къ разнымъ тиранамъ, доведенная до высокой степени даетъ уничтоженіе этихъ тирановъ. Солидарность со всѣми страдающими, доведенная до высокой степени даетъ необходимость фактически стать на сторонѣ страдающихъ. Чувство справедливости, доведенное до высокой степени даетъ необходимость дѣйствовать въ смыслѣ этой справедливости. И всѣ эти чувства, сливаясь въ одно, проявляясь на почвѣ современныхъ условій жизни—зарождаютъ террористическій актъ моральный актъ въ неморальной средѣ. Среда создающая необходимость неизбѣжности террористическихъ актовъ неморальна, но самъ актъ, какъ отрицаніе этой среды какъ синтезъ социально-моральныхъ дѣйствующихъ чувствъ, какъ результатъ интенсивности и экспансивности жизненной энергіи и чувствъ солидарности цѣльнаго, социальнаго индивида является этическимъ фактомъ.

А. Н.

Библіографія.

П. А. КРОПОТКИНЪ ОБЪ АНАРХИЗМѢ ВЪ РОССІИ.

Въ этой замѣткѣ мы резюмируемъ главныя мысли брошюры Кропоткина: «Анархизмъ въ Россіи».

Кропоткинъ констатируетъ фактъ, что на югѣ и на западѣ Россіи анархисты одно время работали вмѣстѣ съ социалистами-революціонерами. Онъ понимаетъ, что такой переходной періодъ, когда анархисты еще не выдѣлились въ отдѣльную группу и когда они работаютъ вмѣстѣ съ другими революціонерами, долженъ былъ существовать. Но этотъ періодъ не долженъ тянуться, анархисты не могутъ оставаться въ другихъ партіяхъ, не переставая быть анархистами. Въ Россіи теперь анархисты прошли уже переходной періодъ развитія, они работаютъ самостоятельно, отдѣльно отъ другихъ партій.

Много-ли теперь въ Россіи анархистовъ или мало, это вопросъ не первой важности, такъ какъ несомнѣнно въ Россіи есть почва для анархизма. Удастся-ли использовать эту почву, зависитъ отъ слѣдующихъ условій: 1) Какъ велико будетъ количество анархической литературы, распространяемой въ Россіи, и какъ велико будетъ число мѣстностей, куда эта литература проникнетъ. 2) Въ какой степени окажутся на высотѣ своего положенія всѣ тѣ, кто возьметъ на себя великую задачу созданія «серьезнаго анархическаго движенія, которое было-бы достойно довѣрія крестьянъ и рабочихъ Россіи».

Кромѣ распространенія литературы, мы должны заботиться о томъ, чтобы въ каждой рабочей группѣ, въ кажой деревнѣ были наши товарищи, и чтобы они были готовы всегда дѣйствовать въ народѣ и вмѣстѣ съ народомъ. Русская революція не остановится на

поръ и не дальше», но для этого необходима серьезная работа, необходимо «найти настоящихъ людей, объединить ихъ въ движеніи, которое сдѣлалось бы серьезной силой, силой образующейся изъ надежныхъ людей, раздѣляющихъ наши мнѣнія и идеалы».

Революція въ Россіи только началась. Она, можетъ быть, продолжится еще 5—6 или 7 лѣтъ, а полная соціальная ликвидація не будетъ закончена и въ 10 лѣтъ. Революціонныя событія въ Россіи не слѣдуютъ равномѣрно другъ за другомъ. На время этихъ болѣе или менѣе продолжительныхъ перерывовъ было бы очень важно имѣть свой заграничный органъ. «Его задачей было-бы объяснять событія, указать правильную точку зрѣнія, подготовить общественное мнѣніе къ наступающимъ событіямъ, доказать ихъ необходимость».

Затѣмъ Кропоткинъ переходитъ къ вопросу, необходима-ли анархистамъ «боевая организація» по образцу соціалистовъ-революціонеровъ и отвѣчаетъ, конечно, отрицательно. «Было-бы величайшимъ несчастіемъ для русскаго революціоннаго движенія, если-бы всѣ ея боевыя силы были бы централизованы въ одной организаціи.»

Не надо такъ-же забывать, что терроръ это еще не переворотъ. «Анархисты Испаніи, Франціи и Италіи совершили не мало единичныхъ актовъ мести, однако, они должны были скоро убѣдиться, что для немедленнаго наступленія соціальнаго переворота нужно нѣчто другое.

Они должны были сознать, что раньше всего необходимо ознакомить широкія народныя массы съ нашими идеями. Къ нимъ—къ этимъ массамъ—они, наконецъ, и обратились, среди нихъ и съ ними они теперь работаютъ. Они ихъ учатъ всеобщей стачкѣ, указываютъ на безполезность мелкихъ, частичныхъ стачекъ, ссылаются на то, что всеобщая стачка должна обратиться въ орудіе противъ эксплуатаціи и власти.

«Надо повторять, что не въ террористическихъ актахъ лежитъ центръ тяжести революціи... Видѣть задачу анархизма исключительно и только въ террорѣ, также безсмысленно, какъ и полный отказъ отъ террора въ Россіи».

Мы должны помнить, что «революція не будетъ имѣть никакого успѣха до тѣхъ поръ, пока крестьяне и рабочіе еще не окончательно излечились отъ безумной мечты, что царь именно тотъ человѣкъ, который улучшитъ ихъ положеніе.»

Масса можетъ излечиться отъ подобныхъ иллюзій только при помощи большихъ народныхъ движеній.

«Агитировать въ пользу такихъ движеній—это задача анархистовъ въ Россіи.»

Въ послѣдней главѣ Кропоткинъ говоритъ объ отношеніяхъ анархистовъ къ другимъ партіямъ. Онъ былъ бы радъ, если бы между анархистами и другими соціалистич. партіями установились бы дружественныя отношенія, основанныя на началахъ федераціи. Только практически это врядъ ли осуществимо, такъ какъ почти всѣ руководители этихъ партій подъ федераціей и совмѣстной работой понимаютъ подчиненіе. Поэтому очень важно для русскихъ анархистовъ самостоятельно и независимо организоваться и охранять эту независимость.

Наши взгляды на терроръ и на значеніе работы въ массахъ близко сходятся со взглядами товарища Кропоткина. Но мы съ нимъ расходимся во взглядахъ на принципіальную возможность совмѣстной работы съ другими партіями. Свой взглядъ мы излагаемъ въ статьѣ «Есть ли у насъ союзники.»

О ТЕРРОРѢ.

Въ этой статьѣ я хочу разобрать тѣ положенія, которыя тов. Ефимовъ ставитъ, какъ рѣшающія огромный по значенію вопросъ террора въ его «Наболѣвшемъ вопросѣ» (№ 1 Бур.).

Какъ и тов. Ефимовъ, такъ и я буду говорить о самой острой, самой непріятной формѣ террора — объ убійствѣ того или другого врага пролетаріата, врага человѣческаго прогресса. Прежде, чѣмъ разбираться въ главныхъ мысляхъ тов. Ефимова, что для насъ будетъ необходимымъ при дальнѣйшемъ изложеніи, попытаемся установить по возможности ясное представленіе о самомъ фактѣ террора.

Примиряясь съ тѣмъ въ силу вещей неизбѣжнымъ зломъ, которымъ является терроръ, мы при такомъ примиреніи должны подчеркнуть эту самую неизбѣжность и не должны забывать о томъ, что терроръ съ точки зрѣнія анархизма, какъ ученія въ высшей степени гуманнаго всегда остается зломъ, неизбѣжнымъ, необходимымъ зломъ, безъ котораго немыслимо освобожденіе пролетаріата, но все таки зломъ. Сознавая его необходимость, мы должны использовать терроръ такъ, чтобы онъ былъ не только неизбѣжнымъ, но и приносящимъ извѣстную пользу. А для этого намъ прежде всего нужно установить извѣстный, вполнѣ опредѣленный критерій для оцѣнки даннаго террористическаго акта. Всѣмъ вполнѣ ясно, что терроръ долженъ быть цѣлесообразенъ, но что такое эта цѣлесообразность, какую цѣль слѣдовательно мы ставимъ для террористическихъ актовъ? Разберемся въ этомъ. Обыкновенно, когда говорятъ о террорѣ, то прежде всего указываютъ на него, какъ на средство «изъять изъ обращенія» наиболѣе талантливыхъ и активныхъ въ своей подлости представителей непріятельскаго лагеря, а во вторыхъ принимаютъ терроръ, какъ средство, способное оказать педагогическое воздѣйствіе на буржуазію, иначе говоря, какъ средство терроризировать ее, предупредить повтореніе одинаковыхъ случаевъ наглыхъ издѣвательствъ и репрессій. Мнѣ кажется, что при такомъ опредѣленіи цѣлей террора указывается довольно второстепенное значеніе его и забывается гораздо болѣе важное революціонизирующее агитаціонное. Тов. Ефимовъ съ этимъ не соглашается, но мнѣ кажется, что сомнѣній тутъ быть не можетъ: террористическій актъ обращаетъ на себя вниманіе массъ, и мы получаемъ тогда возможность шире вести агитацію. Примѣръ, который тов. Ефимовъ взялъ, чтобы доказать противное, въ данномъ случаѣ совершенно не подходитъ: черносотенцы обратили на себя вниманіе, но это не помогло распространенію ихъ идей (это тоже пока вопросъ открытый) не потому, что обратить на себя вниманіе это еще не значитъ подготовить почву для своихъ идей, а потому что это были черносотенцы, а мы, я глубоко въ этомъ увѣренъ, можемъ разсчитывать на гораздо большую симпатію массъ. И нашъ актъ поможетъ раздѣленію массы на «чистыхъ» и «нечистыхъ»; на «своихъ» и «чужихъ». Онъ заставляетъ массу болѣе внимательно прислушиваться къ печатному слову, объясняющему этотъ актъ. И это, по моему мнѣнію, одно изъ очень важныхъ дѣйствій террора. Такимъ образомъ,

цѣнность террористическаго акта, заключается въ его уничтожающемъ и возбуждающемъ значеніяхъ. И мы постольку можемъ отнестись къ террору доброжелательно, поскольку онъ **цѣлесообразенъ** въ этомъ отношеніи.

Нѣкоторые вводятъ въ критерій оцѣнки террористическаго акта еще и чисто отдѣльные отъ акта мотивы. Такъ иные разсматриваютъ, или по крайней мѣрѣ ставятъ, какъ одну изъ сторонъ точки зрѣнія съ которой они разсматриваютъ террористическій, актъ, требованія морали, этики и т. д. Эти требованія обыкновенно предъявляются къ способамъ, которыми совершается убійство, къ мѣсту, гдѣ оно происходитъ и т. д., и т. д., т.е. иначе говоря требованія эти предъявляются не къ террористическому акту—къ суммѣ всѣхъ условій, благодаря которымъ совершенно убійство, какъ то мотивовъ, причинъ и т. п., а къ самому факту убійства, къ самому факту грубого прекращенія человѣческой жизни. Я думаю, что это глубокое заблужденіе и вотъ почему разсуждать о томъ, что въ самомъ фактѣ убійства имѣется или по крайней мѣрѣ должна быть какая либо нравственная красота, имѣющая какія-либо условія, соотвѣтствующія требованіямъ этики, морали и т. д.—разсуждать такъ ошибочно. Мы можемъ видѣть замѣчательную моральную красоту въ человѣкѣ, совершившемъ данный актъ, мы можемъ оправдывать условія, при которыхъ и благодаря которымъ актъ совершенъ, но никогда не можетъ видѣть нѣчто морально-красивое, въ самомъ убійствѣ.

Итакъ критеріемъ оцѣнки террористич. актовъ для насъ служитъ цѣлесообразность и только цѣлесообразность.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію террористическихъ актовъ въ Россіи, о которыхъ говоритъ тов. Ефимовъ.

Онъ указываетъ на то, что русскіе товарищи дѣлили всѣ совершаемые ими акты на «мотивные» и «безмотивные». Вспомнимъ, какое значеніе придавалось этому раздѣленію. Подъ первымъ видомъ террора подразумѣвается убійство извѣстныхъ лицъ за извѣстныя преступленія, подъ вторымъ убійство неизвѣстныхъ такъ сказать неактивныхъ враговъ пролетаріата, бросаніе бомбы въ буржуазныя кофейни, рестораны и другія публичныя мѣста. Характерно то, что чуть въ Россіи появились эти два опредѣленія, мнѣнія работавшихъ въ то время рѣзко раздѣлились: одни опредѣленно и ясно высказывались, какъ и тов. Ефимовъ, противъ «безмотивнаго» террора, другіе также опредѣлено и не менѣе ясно защищали его, о мотивномъ террорѣ никто и не говорилъ. Спорящіе, какъ то совершенно упустили изъ виду, что вѣдь борятся то они собственно противъ вѣтряныхъ мельницъ, что самый то фактъ раздѣленія террора на категоріи и при томъ категоріи всегда при всякихъ условіяхъ и во всякой мѣстности, имѣющія одинаковое значеніе, самый то фактъ такого раздѣленія искусственъ. Повторяю, спорящіе совершенно упустили это изъ виду, оттого и получилось, что одни считали всякій «мотивный актъ» при всякихъ условіяхъ и во всякой мѣстности имѣющимъ значеніе, а «безмотивный» никогда и нигдѣ такого значенія не имѣющимъ, Другіе же соглашаясь съ первой половиной этого положенія, старались доказать, что и «безмотивный» терроръ всегда и вездѣ имѣетъ значеніе.

Мы уже говорили, что критеріемъ оцѣнки даннаго акта для насъ является цѣлесообразность его. Но эта цѣлесообразность зависитъ отъ массы условій. Мы можемъ разсуждать о цѣлесообразности даннаго акта, при данныхъ условіяхъ и т. п. Но мы не можемъ абстрагировать этотъ актъ, выдѣлить его изъ среды условій, условій, которыя постоянно мѣняются и вмѣстѣ съ которыми мѣняется цѣнность даннаго акта. Мы не можемъ заявить разъ навсегда: такой то актъ постоянно годится, а такой-то никогда не имѣетъ значенія.

Для того, чтобы рельефнѣе обрисовать выставленныя положенія, возьмемъ конкретный примѣръ. Бросаніе бомбы въ собравшуюся въ кафе буржуазію, въ городѣ, въ которомъ, что называется тишь да гладь да божья благодать, такое бросаніе бомбы, какое мы видѣли въ яркомъ примѣрѣ — акта Анри, акта возмущенія, злобы и ненависти противъ современнаго общества, мы можемъ отнести къ разряду нецѣлесообразныхъ актовъ. Мы понимаемъ этотъ актъ, мы учитываемъ всѣ условія, заставившія Анри его совершить, но становясь на точку зрѣнія цѣлесообразности, мы будемъ вполнѣ правы, если скажемъ: «При такихъ условіяхъ, въ той мѣстности, и въ то время этотъ актъ былъ нецѣлесообразенъ».

Но вотъ же самый актъ, въ томъ же городѣ, въ періодъ усиленнаго рабочаго революціоннаго движенія и тѣсно съ нимъ связанныхъ репрессій со стороны буржуазіи, въ періодъ, когда острый антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ вполнѣ выяснился, въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда всѣ вполнѣ ясно и опредѣленно разбились на два лагеря и когда въ лагерѣ рабочихъ царитъ голодъ, смерть, болѣзни и т. д., словомъ тотъ же актъ, но при совершенно другихъ условіяхъ, многія изъ которыхъ намъ совершенно невозможно заранѣе учесть и опредѣлить, будетъ не только понятенъ и близокъ массѣ, но и произведетъ свое полное, настоящее дѣйствіе: онъ будетъ революціонизировать массу. Я нарочно взялъ примѣръ изъ такъ называемаго «безмотивнаго террора, чтобы показать, что нельзя быть абсолютно противъ, нельзя разъ и навсегда налагать *«veto»* на какой бы то ни было видъ террористическихъ актовъ. Все сказанное приложимо въ одинаковой степени и къ «мотивному» террорoу. Мы можемъ только сказать, что при такомъ актѣ, какъ бросаніе бомбы въ кафе, существуютъ гораздо болѣе сложныя условія, что самъ актъ гораздо сложнѣе остальныхъ и потому нужно, какъ можно осторожнѣй взвѣшивать и опредѣлить условія, при которыхъ актъ будетъ цѣлесообразенъ. Но мы никогда не можемъ объявить этотъ актъ, никогда не имѣющимъ значенія. Слишкомъ трудно, даже больше того невозможно учесть всю массу, всю систему сложныхъ разнокалиберныхъ условій, которыя къ тому же все время мѣняются и то условіе, которое сегодня казалось невозможнымъ, завтра становится дѣйствительностью. Такъ мы отвѣтимъ тов. Ефимову и всѣмъ тѣмъ, кто считаетъ себя противниками т. н. «безмотивнаго» террора. А тѣмъ, кто въ противовѣсъ этимъ послѣднимъ, заявляетъ, что безмотивный терроръ всегда важенъ, мы опираясь, на ту же точку зрѣнія скажемъ:

«Помните, что извѣстный актъ не можетъ быть всегда цѣлесообразенъ, что эта цѣлесообразность его зависитъ отъ цѣлой системы окружающихъ его условій. Помните, что только тогда вы смѣло можете идти на какой бы то ни было актъ, когда вы самымъ тщательнымъ образомъ взвѣсили всѣ эти условія. При каждомъ актѣ вы не должны забывать, что за вашимъ актомъ послѣдуетъ цѣлая цѣпь такихъ же актовъ, по-

слѣдуетъ въ силу естественнаго закона о подражаніи и это тоже должно заставить насъ, какъ можно осторожнѣй, какъ можно точнѣй взвѣшивать всѣ условія. И только считаясь, постоянно и особенно считаясь съ этими условіями, вы можете быть увѣрены въ томъ, что каждый вашъ актъ небудетъ актомъ нелѣпаго нецѣлесообразнаго пролитія крови. Это точное взвѣшиваніе условій, эту осмотрительность и внимательность смѣло можно отнести подъ понятіе организованности, значитъ и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ скажу, что даже во всѣхъ, необходима организованность. Она помѣшаетъ этой нелѣпой затратѣ силъ, которая наблюдалась до послѣдняго времени въ Россіи. Тамъ, товарищи, подхваченные общимъ революціоннымъ движеніемъ 1905 года искали главнаго пункта своей работы, искали архимедову точку опоры въ террорѣ.

Увлеченные нѣсколькими удачными актами они кинулись по этой дорогѣ не задумываясь о томъ, куда она ихъ приведетъ, не задумываясь о цѣлесообразности совершаемыхъ ими актовъ. Единственнымъ руководствомъ ихъ было: «Лучше сдѣлать нѣсколько безполезныхъ актовъ, чѣмъ пропустить хоть одинъ полезный». И какъ результатъ этого руководства появилось какое то стремленіе всѣхъ лучшихъ работниковъ идти на террористическіе акты. Забыта была насущная работа, работа, которую требуетъ то страшно отвѣтственное положеніе анархистовъ въ минуты стремленія массъ къ парламентаризму, забыта была пропаганда, агитація. Всѣ твердили только одно: «акты, акты и акты». «Безмотивные», «мотивные», они сыпались, какъ изъ рога изобилія, непродуманные, можно даже сказать несознательные.

Какъ я уже говорилъ выше, актъ совершенно изолировался отъ среды окружавшихъ его условій, и совершался не потому, что онъ въ эту минуту былъ необходимъ и нуженъ, не потому что онъ былъ цѣлесообразенъ, а потому что это былъ террористическій актъ, потому что объектомъ ему служила буржуазія, и это была огромная ошибка. Результатъ этой ошибки уже обнаружился: масса актовъ не только не достигали своей цѣли, но часто даже отталкивали массу. И непродуманные террористическіе акты и насилія, безсмысленныя экспропріаціи, о которыхъ я уже говорилъ въ № 1 «Бур.» и составили ту ужасную картину деморализаціи, и вакханаліи неорганизованности, гдѣ самыя лучшія попытки одинокихъ личностей или даже цѣлыхъ группъ всегда оканчивались неудачей. Гдѣ ни одно дѣло не могло обойтись безъ того,, чтобы и въ него не попала хотя бы небольшая часть этой деморализаціи. И теперь, обновляя работу, снова расправляя крылья, молодое анархическое движеніе въ Россіи прежде всего должно позаботиться объ уничтоженіи этой деморализаціи, которую наши противники зовутъ «Анархіей. Передъ нами ясно вырисовывается необходимость организаціи, и террорь, какъ одна изъ частей нашей работы, не менѣе настойчиво требуетъ организованности.

И—скій.

ЦЮРИХЪ.

«Тогда вотъ что я надумалъ. Пошлемте къ варягамъ ходоковъ и велимъ сказать: господа варяги! Чѣмъ набѣгами-то насъ разорять — разоряйте вплотную: грабьте имущество, жгите города, насилуйте женъ, но только, чтобы дѣлалось все это на предбудущее время..... по закону!»

Щедринъ.

Серьезныя событія, которыя мы предсказывали въ прошлой корреспонденціи, разыгрались, но рабочіе въ нихъ играли лишь пассивную роль, активно-же выступало правительство, солдаты, полиція. Правительство вызвало войска, солдаты «честью» исполняли свой гражданскій долгъ, полиція возстановляла тишину и спокойствіе.

Поводомъ ко всему этому послужила не крупная стачка каменщиковъ, какъ можно было-бы предположить, а небольшая забастовка 70 рабочихъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что вслѣдствіе принятаго союзомъ рѣшенія, всѣ холостые каменщики, т. е. самый активный элементъ, оставили Цюрихъ. Поэтому вниманіе властей сосредоточилось на менѣе спокойной деревнѣ Альбисриденъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Цюриха. Тамъ забастовало 70 человѣкъ автомобильной фабрики Арбенса. Хозяинъ, конечно, сталъ подыскивать штрейкбрехеровъ. Чтобы безпрепятственно доставлять ихъ на фабрику, Арбенсъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе автомобили, а каждый автомобиль охранялся нѣсколькими хорошо вооруженными полицейскими. Торжественное шествіе одного изъ такихъ автомобилей и попытались остановить бастующіе рабочіе. Полиція, конечно, поспѣшила «подавить мятежъ», нѣсколько арестовано. Но этимъ дѣло не ограничилось. На слѣдующій день крестьяне, отчасти подбадриваемые полиціей, напали вооруженные косами и вилами на рабочихъ. Произошла свалка. Полиція вмѣшалась, избила рабочихъ, многихъ арестовала, но оставила на волѣ громилъ, натравившихъ крестьянъ на рабочихъ. Теперь-то встрепенулись отцы города. «Произошли безпорядки, которые подрываютъ авторитетъ государства, посягаютъ на безопасность гражданъ и на «добрыя» права, желающихъ работать», говорятъ они въ своемъ обращеніи къ населенію. А потому, *caveant consules!* Были призваны войска, полиція заявила, что будетъ высылать немедленно изъ предѣловъ Швейцаріи всѣхъ иностранцевъ, которые будутъ замѣчены въ участіи въ безпорядкахъ. Стали производить аресты, въ особенности за распространеніе антимилитаристской литературы среди солдатъ. Такъ, между прочимъ, арестованъ секретарь рабочихъ, соціалъ-демократъ, Ридеръ за распространеніе антимилитаристской брошюры. Въ довершеніе всего этого запретили стачечникамъ ставить у фабрикъ посты для разъясненія вновь прибывающимъ рабочимъ цѣли и причины стачки (такъ назыв. «стрейкпостенстеенъ».) Такъ какъ рабочіе нѣкоторыхъ отраслей производства высказали свою готовность присоединиться ко всеобщей забастовкѣ можно было думать, что въ отвѣтъ на всѣ насилія правительства представители рабочихъ союзовъ объявятъ всеобщую стачку. Тѣмъ болѣе, что союзъ рабочихъ по дереву, въ принятой имъ резолюціи призывалъ всѣхъ рабочихъ ко всеобщей забастовкѣ, если правительство не возьметъ сейчасъ-же назадъ запрещеніе выставлять «стачечные посты». Но собраніе рабочихъ делегатовъ не сочли нужнымъ и возможнымъ объявить всеобщую забастовку и ограничились платоническимъ протестомъ противъ принятыхъ репрессій.

Дальнѣйшія событія имѣютъ лишь интересъ, посколь-

ку они показываютъ, какъ обращаются со «свободными» гражданами въ правовомъ государствѣ, устроенномъ на самыхъ демократическихъ началахъ. Въ замѣткѣ «Кулачное право», одинъ швейцарецъ пишетъ: «Нельзя не краснѣть отъ стыда при видѣ того, какъ войско и полиція, точно разбойники, нападаютъ на спокойныхъ людей... при малѣйшемъ ихъ замѣчаніи о стачкѣ, какъ ихъ грубо ругаютъ, бьютъ и какъ ихъ, точно преступниковъ, тащутъ въ полицію подъ конвоемъ, сабли на-голо». Въ замѣткѣ «Казаки работаютъ» другой пишетъ: «Полиція поступаетъ неимовѣрно жестоко, бьетъ направо и налѣво, такъ что у насъ происходитъ тоже самое, что и въ Россіи». А вотъ разсказъ очевидца о дѣйствіяхъ войскъ. Вечеромъ 19 іюля толпа любопытныхъ собралась на улицѣ. «Люди стояли и добродушно разговаривали о событіяхъ послѣднихъ дней, о звѣрствахъ полиціи, о томъ, что каждый пережилъ, сколько ударовъ получилъ»... Въ это время является кавалерія. «Солдаты вскакиваютъ на тротуары, направляютъ лошадей на безпечную толпу, тѣснятъ ихъ къ стѣнамъ домовъ, а здѣсь расправляются съ ними ударами шашки: одинъ получилъ ударъ въ голову, женщина была ранена въ руку, многіе получили безчисленные удары по всему тѣлу». Вотъ еще одно свидѣтельство о дѣятельности войска. Въ воскресенье, часовъ въ 11 проѣзжалъ автомобиль съ солдатами близъ одной кучки человѣка въ четыре или 5. Одинъ изъ нихъ крикнулъ вслѣдъ проѣзжающимъ: Фуй! Автомобиль моментально останавливается, солдаты спрыгиваютъ и окружаютъ стоявшихъ.

Одинъ изъ солдатъ хватаетъ за шиворотъ одного изъ группы и спрашиваетъ: «это вы кричали?» Тотъ отрицаетъ. Тогда солдатъ говоритъ ему: извинись, или въ зубы получишь. Испуганный падаетъ на колѣни, поднимаетъ руки и кричитъ: «извиняюсь». Потомъ онъ встаетъ и хочетъ уйти, но получаетъ сзади такой сильный ударъ ногой, что онъ снова падаетъ на землю. Въ Грютліанеръ отъ 2 августа помѣщено врачебное свидѣтельствованіе одного, избитаго уже во время его нахожденія подъ арестомъ. Изъ этой оффиціальной бумаги видно, что человѣка прямо истязали. Въ «Фолькрехтѣ» было помѣщено письмо одного солдата, который передаетъ всѣ тѣ случаи звѣрства, свидѣтелемъ которыхъ онъ самъ былъ. 1) Онъ видѣлъ, какъ въ пятницу 20 іюля кантональные полицейскіе нечеловѣчески избивали одного господина въ бюро фабрики Арбенца. Въ воскресенье 22 іюля въ ту же фабрику привезли двухъ нѣмцевъ, которые будто бы презрительно отозвались о войскѣ. Ихъ стали допрашивать, и каждый вопросъ сопровождали парой пощечинъ. 3) Въ понедѣльникъ 23 іюля автомобиль привезъ одного швейцарца, который, будучи самъ солдатомъ, обругалъ солдатъ. Его окружило человѣкъ 60, стали наносить побои, толкать ногами. И все это дѣлалось въ присутствіи офицеровъ, которыхъ эта сцена забавляла. «Это мои личныя наблюденія» прибавляетъ солдатъ: и если вы, гг. офицеры, сомнѣваетесь въ моихъ словахъ, можете снарядить слѣдствіе. Много солдатъ готово давать показанія, согласныя съ истиной.

Для меня же гордое слово отечество превратилось въ пустую фразу, а патріотизмъ, который раньше заставлялъ сильнѣе биться мое сердце, за послѣдніе восемь дней уничтоженъ во мнѣ безъ остатка».

Мы привели только нѣсколько, наиболѣе яркихъ примѣровъ. Если-бы перечислить всѣ гнусности полиціи и войска, мы получили-бы знакомую, родную картину усмиренія. Только у насъ нѣтъ конституціонныхъ гарантій, у насъ произволъ, а здѣсь «правовое государство, гдѣ все совершается по закону. А вѣдь еще щедринскій Гадюкъ на вопросъ, какъ лучше быть ограбленнымъ, по закону или безъ закона, отвѣтилъ: «Какъ же возможно! По закону или безъ закона! по закону— всѣмъ вѣдомо лучше!»

ГЕРМАНІЯ.

Столбцы буржуазной и социалъ-демократической прессы за послѣднее время переполнены были разсужденіями по поводу разоблаченій изъ соціалъ-демократической партійной жизни, сдѣланныя редакціей «Ейнигкейтъ».

Іенскій конгрессъ, какъ извѣстно, принялъ резолюцію, которая рекомендуетъ всеобщую стачку, какъ важное средство, пригодное для защиты старыхъ и пріобрѣтенія новыхъ необходимыхъ для рабочихъ правъ. Резолюція эта имѣла не столько теоретическое значеніе, сколько практическое, въ виду усиленной агитаціи, начатой соціалъ-демократіей, въ пользу введенія всеобщаго избирательнаго права въ Пруссіи. На конгрессѣ докладчикомъ по этому вопросу и горячимъ защитникомъ принятой резолюціи выступилъ Августъ Бебель. Каково же было удивленіе всѣхъ, рабочихъ и не рабочихъ, соціалъ-демократовъ и буржуа, когда въ «Ейнигкейтъ» появилось сообщеніе, что на частномъ совѣщаніи между представителями рабочихъ союзовъ и представителями партіи, Бебель заявилъ, что центральный комитетъ партіи не только не намѣренъ пропагандировать идею массовой забастовки, но всѣми силами будетъ противодѣйствовать ей. На это послѣдовало опроверженіе Бебеля: онъ, молъ, говоритъ, что въ данную минуту несвоевременно пропагандировать идею всеобщей забастовки. Участники-же конференціи со стороны профессіональныхъ союзовъ, настаиваютъ на вѣрности первой версіи. Мы, конечно, не можемъ рѣшить на чьей сторонѣ правда, но несомнѣнно одно: вожаки рѣшили въ тайномъ совѣщаніи видоизмѣнить или по своему толковать рѣшеніе конгресса. Такъ и понятъ былъ этотъ фактъ со стороны части соціалъ-демократіи, въ которой этотъ эпизодъ вызвалъ много неудовольствія. Сильнѣе всего реагировала на это редакція «Глайхгайтъ», которая, повидимому, принадлежитъ къ самому лѣвому крылу соціалъ-демократіи. «Нѣмецкіе рабочіе! для васъ начинается новая эпоха, если только вамъ еще дорого революціонное знамя, отвернитесь отъ вашихъ вождей откажитесь отъ золотыхъ словъ, за которыми не слѣдуютъ поступки именно въ тотъ моментъ, когда время дѣйствовать». Дальше эта же газета такъ характеризуетъ эволюцію соціалъ-демократической партіи:

«Шумно устремился однажды дикій лѣсной потокъ черезъ скалы внизъ, разрушая всѣ препятствія. Въ спокойную рѣку преобразился онъ въ гладкой долинѣ, теперь онъ превратился въ стоячее болото, міазмы, котораго, зараженные чумой, отравляютъ воздухъ». А потому «эмансипацируйтесь отъ стараго, какъ бы это ни было больно для каждаго въ отдѣльности. Въ настоящій моментъ дѣло требуетъ дѣльныхъ людей и дѣльную работу».

По этому же поводу высказалось собраніе строительныхъ рабочихъ Берлина и окрестностей. На этомъ со-

бранія, состоявшемся 15 іюля, высказались противъ рѣшенія принятаго представителями партіи совмѣстно съ генеральной комиссіей рабочихъ союзовъ. Въ принятой резолюціи говорилось: «Принимая во вниманіе все болѣе и болѣе обостряющееся классовое противорѣчіе между трудомъ и капиталомъ, собраніе считаетъ всеобщую стачку наиболѣе дѣйствительнымъ орудіемъ.»

Другое собраніе по этому же поводу состоялось 30 іюля. Присутствовало 2000 человѣкъ.

Защитникомъ рѣшенія главарей партіи выступилъ только редакторъ «Форвертсъ» Штребель. Всѣ остальные высказались рѣзко противъ закулисныхъ рѣшеній представителей партіи. Въ этомъ же смыслѣ была принята почти единогласно резолюція. Въ концѣ реолюціи они объявляютъ, что «какъ сторонники идеи всеобщей стачки, они и впредь будутъ пропагандировать ее со всей энергіей и будутъ заботиться о томъ, чтобы пролетаріатъ не переставалъ обсуждать ее».

Потомъ они заявютъ, что никому не позволтъ мѣшать имъ свободно высказаться и что «они спокойно ждутъ послѣдствій ихъ образа дѣйствій». Кто знакомъ съ правами нѣмецкой соціалъ-демократіи, пойметъ значеніе послѣднихъ словъ: здѣсь говорится о возможности быть исключеннымъ изъ партіи. Для насъ же весь этотъ инцидентъ имѣетъ важное симптоматическое значеніе. Онъ говоритъ о существующемъ среди части рабочихъ недовольствѣ настоящей партійной политикой. Будемъ надѣяться, что это недовольство разовьется въ сознательное критическое отношеніе, и что въ классической странѣ соціалъ-демократіи будетъ подготовлена почва для идей анархизма.

* * *

19-го іюля въ Берлинѣ произведены были обыски у многихъ анархистовъ. Нѣкоторыхъ допрашивали въ полиціи. Товарища Копа насильно фотографировали. Всѣхъ этихъ товарищей подозрѣваютъ, будто они принадлежатъ къ тайному сообществу, существующему въ Цюрихѣ. Ничего компрометирующаго не найдено.

НАМЪ ПИШУТЪ

Летичевъ (Подольской губ.) Деревня не спокойна. Голодный, измученный крестьянинъ ищетъ выхода. Долго онъ вѣрилъ въ царя, ждалъ обѣщанной имъ земли, но эта вѣра у него давно прошла; теперь повѣрилъ людямъ зовущимъ его къ борьбѣ за Учредительное Собраніе. Къ борьбѣ за свободу призываетъ его большинство газетъ, наводнившихъ въ послѣднее время всѣ уголки нашихъ деревень. Но и эта вѣра съ каждымъ днемъ падаетъ у возрастающей съ каждымъ днемъ части населенія, и крестьяне начинаютъ понимать, что долго имъ ждать, и можетъ быть быть вовсе не дождаться земли отъ Думы. Когда же получилась вѣсть о разгонѣ Думы, надежда на полученіе земли совершенно пропала.

Ждали крестьяне зимою, когда холодный вѣтеръ врывался сквозь щели оконъ и дверей въ нетопленныя избы, ждали, когда за недостаткомъ хлѣба въ каждой семьѣ смерть косила дѣтей и подростковъ; ждали, когда тифъ и голодъ бралъ ежедневно свою дань, возвѣщая объ этомъ протяжнымъ заунывнымъ звономъ церковнаго колокола—и въ этомъ «ждали» было что-то страшное.

Но теперь крестьяне ждать не хотятъ, теперь они ждать не будутъ. Они пойдутъ въ помѣщичьи лѣса, нарубятъ тамъ дровъ; они пойдутъ въ помѣщичьи амбары и мельницы и разберутъ тамъ зерно и муку, они захватятъ помѣщичьи земли и засѣютъ ихъ. Они утолятъ свой голодъ. Хоть нѣсколько дней они будутъ сыты, будутъ сами хозяевами.

Такъ начала говорить теперь часть крестьянъ.

Если же вы, мѣстные учители, всѣ честные люди, которымъ довѣряетъ народъ, не будете ихъ удерживать отъ попытки завладѣть тѣмъ, что принадлежитъ имъ, а сольетесь съ массой; не будете скрывать отъ нихъ, а разскажете правду о той свободѣ, какая существуетъ въ демократическихъ республикахъ Западной Европы о томъ, что и тамъ, какъ и у насъ разстрѣливаютъ рабочихъ, требующихъ хлѣба и свободы, если вы сумѣете доказать крестьянамъ и рабочимъ, что добытая съ ихъ помощью буржуазіей свобода, будемъ только новымъ видомъ рабства—тогда вы послужите не интересамъ какой либо политической партіи, а интересамъ самого народа.

Идите-же съ народомъ!

РЕВОЛЮЦІОННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

Современный революціонный періодъ позволяетъ всѣ надежды, оправдываетъ своею возможностью всѣ усилія къ введенію полнаго свободнаго строя; онъ носитъ въ себѣ зачатокъ всѣхъ свободъ. Тотъ, кто жилъ года два, годъ тому назадъ и кто живетъ теперь, тотъ кто видѣлъ людей и вещи тогда и видитъ ихъ теперь, тотъ, кто слѣдилъ за эволюціей революціонныхъ партій, становящихся болѣе революціонными подъ вліяніемъ каждаго движенія, тотъ не можетъ сказать: такая то свобода невозможна, такой то строй невозможенъ. Современный революціонный періодъ создалъ возможныхъ строевъ общества и этотъ періодъ только начался и все болѣе и болѣе онъ будетъ развиваться. Къ какому результату приведетъ русская революція мы не знаемъ, но знаемъ, что нашъ жизненный идеалъ, къ которому скорѣе безсознательно, чѣмъ сознательно стремились всѣ революціонныя движенія будетъ играть важную роль; и результатъ этой революціи будетъ анарх. настолько, насколько мы сможемъ сдѣлать, чтобы онъ былъ таковъ, насколько мы сумѣемъ его сдѣлать такимъ. Результатъ революціи будетъ носить отпечатокъ самой сильной, самой сознательной партіи, самой рѣшительной наиболѣе дѣйствующей и постоянно дѣйствующей партіи. Если мы сумѣемъ быть этой партіей, если мы сумѣемъ повлечь за собою народныя массы, революція будетъ носить нашъ отпечатокъ и она она пойдетъ въ направленіи нашего идеала.

Революціонный періодъ въ своихъ главныхъ пріемахъ борьбы—фактическое, дѣйствующее отрицаніе Государства, фактическое, дѣйствующее отрицаніе Частной Собственности, отрицаніе законовъ и правительства, самостоятельное созданіе свободныхъ формъ жизни—является анархистическимъ явленіемъ. Тактика революціи, пока она остается творческой и разрушительной пока сама революція не останавливается и не кристализируется въ формѣ законовъ и государственныхъ учрежденій—тактика революціи всегда есть анархистической тактикой. Къ ней прибѣгаютъ рано или поздно всѣ партіи, ею пользуются всѣ партіи, —она есть глав-

ная жизненная сила революціи. Но эта жизненная анархистическая тактика революціи должна вести къ анархистическому только идеалу. И въ томъ — наша задача и здѣсь проявляется абсолютная необходимость интенсивной работы; необходимость помѣшать какимъ бы то ни было политическимъ партіямъ использовать анархистическую тактику массъ въ своихъ собственныхъ интересахъ; необходимость использовать анархистическую тактику въ анархистическихъ же интересахъ, т. е. въ интересахъ крестьянъ и рабочихъ. И эта необходимость интенсивной работы создаетъ необходимость организованной работы, т. е. необходимость анархистическихъ группъ и организаціи этихъ группъ въ средѣ же крестьянъ и рабочихъ.

Мы уже ведемъ борьбу на жизнь или смерть съ отживающимъ строемъ. Всѣ политическія партіи противъ насъ и если мы не сумѣемъ направить революціонное движеніе къ анархистическому идеалу, если мы не сможемъ одушевить крестьянъ и рабочихъ нашимъ идеаломъ, мы должны быть увѣрены, что побѣда какой бы то ни было партіи будетъ нашей смертью на долгое время, что новое не анархистическое общество будетъ вновь и на долгое время задержкой къ осуществленію свободнаго коммунистическаго общества. Это общество осуществится рано или поздно, но чтобы избѣжать будущихъ кровопролитныхъ революцій, мучительную рабскую жизнь трудящихся массъ при всевозможныхъ режимахъ частной собственности и государства намъ необходимо осуществить возможность эволюціоннаго развитія анархизма въ ближайшемъ будущемъ, намъ необходимо, какъ можно скорѣе дать толчекъ революціонной энергіи массъ въ направленіи анарх. коммунизма. И эта необходимость, создавая тоже необходимость работы, ведетъ такъ же къ ассоціаціи анарх. группъ. Въ силу необходимости мы должны быть рѣшительны, сильны, сознательны не только, какъ отдѣльныя лица, но какъ группы, какъ ассоціація группъ, какъ организація. Нужно, чтобы освободительныя усилія каждаго опиралисъ бы на усилія всѣхъ прочихъ, нужно, чтобы усилія каждаго увеличивались бы усиліями всѣхъ. Нужно съ меньшей потерей времени, съ меньшей потерей силъ дать максимумъ анархическихъ усилій И это невозможно безъ организаціи; это невозможно безъ Конфедераціи анарх. группъ для взаимной помощи въ борьбѣ съ государственно-экономическимъ гнетомъ.

Съ меньшей потерей времени и силъ добиться максимума анарх. условій жизни—акова основная цѣль анарх. организаціи. И эта цѣль создаетъ необходимость анарх. группъ, дѣйствующихъ не внѣ народныхъ массъ, но въ массахъ же. Руководить революціей извнѣ—это иллюзія политическихъ партій, и мы если мы не хотимъ быть паразитами революціи, мы должны жить и дѣйствовать среди дѣйствующихъ же массъ и только дѣйствуя среди нихъ, мы можемъ заставить ихъ дѣйствовать съ нами. Только, живя и дѣйствуя среди народныхъ массъ мы можемъ создать среди нихъ сознательное анархистическое меньшинство, способное въ извѣстный моментъ повліять своею рѣшительностью и своими революціонными актами на рѣшительность и дѣйствія народныхъ массъ.

Какова эта народная масса? Какова современная группировка борющихся классовъ? Прежде всего громадная масса крестьянъ. Они борятся на экономической почвѣ за свой экономическій идеалъ: «Земля крестьянамъ» и ихъ средства борьбы вытекаютъ изъ ихъ цѣли. Пока они дѣйствуютъ революціонно, они сами берутъ необходимую для нихъ помѣщичью или государственную землю и обрабатываютъ ее сообразно ихъ нуждамъ. Крестьянское движеніе даетъ главную ноту, даетъ «тонъ» всему революціонному движенію. Рабочіе борятся покамѣстъ за буржуазныя требованія политическихъ свободъ, но ихъ средство борьбы — забастовки частичныя или всеобщія чисто экономическія средства. Буржуазія не борется непосредственно. Поддерживая и поддерживаемая борьбою рабочихъ за политическія свободы, пользуясь экономическимъ движеніемъ крестьянъ и стараясь привлечь ихъ на почву политическихъ «свободъ», она выставляетъ свои требованія «правъ» на эти свободы и свои требованія, соотвѣтствующихъ этимъ правамъ законовъ.

Правительство, опираясь на вооруженную силу своихъ солдатъ—въ принципѣ противъ всякихъ свободъ, но оно дѣйствуетъ сообразно интенсивности революціоннаго движенія среди крестьянъ и рабочихъ. Если это движеніе сильно, правительство дѣлаетъ нѣкоторые уступки буржуазнымъ требованіямъ свободъ и тѣмъ самымъ пріостанавливаетъ экономическую тактику рабочихъ и интенсивность борьбы за экономическій идеалъ крестьянъ. Разъ экономическое революціонное движеніе утихло, благодаря надеждамъ, возложеннымъ на возможность «свободъ», безъ экономическихъ свободъ—правительство отбираетъ политическія свободы. И эта игра можетъ продолжаться столько, сколько крестьяне и рабочіе будутъ безсознательны революціонной логики. Если крестьяне поймутъ, что для нихъ нѣтъ никакихъ свободъ безъ коммунистическаго владѣнія земли, если рабочіе поймутъ, что никакія свободы невозможны безъ коммунистическаго владѣнія всѣми орудіями и продуктами труда и если они будутъ дѣйствовать въ своихъ собственныхъ интересахъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что правительство и буржуазія сольются въ одно и будутъ дѣйствовать за одно противъ народа. И если своихъ собственныхъ солдатъ будетъ недостаточно они призовутъ на помощь солдатъ сосѣднихъ «свободныхъ» странъ. Покамѣстъ дѣла не обстоятъ такъ, покамѣстъ правительство готово дать нѣкоторые экономическіе уступки крестьянамъ, надѣясь этимъ пріостановить ихъ движеніе и изолировать движеніе рабочихъ. Какъ бы то ни было, новая тактика правительства, призыва «уволенныхъ» депутатовъ къ экономическому крестьянскому террору, движеніе всей революціи показываетъ ясно, что центръ тяжести русской революціи это крестьянское экономическое движеніе и что безъ экономическаго революціоннаго движенія никакія свободы невозможны, что всѣ свободы, дѣйствительныя свободы создаются лишь на почвѣ экономическихъ свободъ революціонно взятыхъ самими крестьянами и рабочими.

Выяснить логику революціи, распространить широко нашъ идеалъ, выдвигающій сознательное меньшинство среди крестьянъ и рабочихъ, какъ революціонно дѣйствующихъ классахъ и среди солдатъ, способныхъ дѣйствовать въ интересахъ крестьянъ и рабочихъ, такова должна быть работа организаціи анархическихъ группъ и сама организація должна соотвѣтствовать этой работѣ.

* * *

Уже существуетъ нѣкоторая организація анархическихъ группъ и наша задача въ этой статьѣ, опираясь на существующее—идейно расширить эту организацію и идеально представить возможную ассоціацію.

Итакъ, принимая во вниманіе всю вышесказанную обстановка вопроса, какимъ образомъ можетъ развиться анархическая организація, какимъ образомъ она можетъ быть, благодаря взаимной помощи группъ, рѣшающимъ важнымъ факторомъ въ русской революціи.

Для упрощенія вопроса мы возьмемъ одну группу и разсмотримъ, какимъ образомъ эта одна группа можетъ развиться до конфедераціи группъ. Само собой разумѣется, что количество уже существующихъ группъ упрощаетъ ихъ фактическое развитіе въ организацію, но схема этого развитія остается одна и та же.

Каждый индивидуумъ анархистъ, распространяя свои идеи, или вводя ихъ въ жизнь, является центромъ притяженія или отталкиванія, симпатіей или антипатіей окружающихъ его лицъ. Его идеи, его чувства или его акты находятъ откликъ въ чувствахъ и идеяхъ другихъ лицъ и въ силу притяженія, въ силу симпатіи образуется группа нѣсколькихъ лицъ на почвѣ общности основныхъ идей и чувствъ.

Вотъ самостоятельное, нормальное анархистическое зарожденіе группы. Эта группа есть основная группа, откуда пойдетъ организаціонная работа. Благодаря группѣ каждый членъ, обмѣниваясь идеями и критикой идей, становится болѣе сознательнымъ, и въ извѣстный моментъ група придетъ къ сознанію необходимости дѣйствовать среди крестьянъ, рабочихъ и солдатъ и создать тамъ же соотвѣтствующія группы активныхъ анархистовъ. Произойдетъ необходимо раздѣленіе труда и сообразно своей индивидуальности и сознанію большей полезности тамъ или здѣсь (принимая во вниманіе, что воля—сила) одинъ или нѣсколько членовъ будутъ работать среди крестьянъ, другой среди рабочихъ, иной еще среди солдатъ. По мѣрѣ того, какъ образуются группы среди крестьянъ рабочихъ и солдатъ, основная группа, несоотвѣтствующая болѣе никакимъ требованіямъ самостоятельно распадается. Для упрощенія вопроса возьмемъ члена основной группы и прослѣдимъ его работу среди крестьянъ, принимая во вниманіе, что работа другихъ членовъ среди крестьянства или рабочихъ или солдатъ идетъ сообразно той же схемѣ.

Въ деревнѣ или селѣ анархистъ излагаетъ сообразно обстоятельствамъ передъ нѣсколькими или многими крестьянами, просто, понятно и ясно свой взглядъ на ходъ вещей, свой взглядъ на ихъ положеніе. Его идеи и чувствъ найдутъ откликъ въ чувствахъ и идеяхъ крестьянъ и если онъ употребитъ достаточно времени и ложитъ достаточно труда, онъ легко можетъ выдвинуть среди крестьянъ даннаго села или данной деревни, нѣсколько крестьянъ способныхъ усвоить себѣ анархистическія мысли, способныхъ сдѣлаться активными, сознательными анархистами. Выдвинувъ такихъ сознательныхъ крестьянъ-анархистовъ, онъ тѣмъ самымъ образовалъ группу анархистовъ даннаго села или деревни. Эта группа становится центромъ анархистической пропаганды или революціонной дѣятельности среди крестьянъ и того же села или другихъ окружающихъ деревень и селъ. Если членъ или члены этой новой группы пропагандируютъ свои идеи среди крестьянъ болѣе или сосѣдняго села или деревни, они могутъ тамъ выдвинуть сознательныхъ крестьянъ-анархистовъ и тѣмъ самымъ создать новую группу, необходимо находящуюся въ связи съ первой группой первой деревни. Созданіе этой второй группы можетъ взять на себя анархистъ, основавшій первую группу, и въ силу устойчивости, въ силу жизненности этихъ двухъ группъ, онъ введетъ ихъ въ сношеніи одну съ другой и эти сношенія не могутъ быть другими, какъ только взаимное воздѣйствіе взаимная помощь.

Эти двѣ группы, на почвѣ общности интересовъ, создаютъ основную ассоціацію, которая будетъ распространяться по мѣрѣ того, какъ распространяются группы среди крестьянъ. Изъ среды этой основной ассоціаціи если анархистическая пропаганда тамъ была достаточно интенсивна, могутъ выдвинуться крестьяне-пропагандисты и эти анархисты-крестьяне, расширяя все болѣе и болѣе районъ ихъ пропаганды и дѣйствуя сообразно тому же плану, создадутъ повсюду новыя группы и новые центры анархистической дѣятельности среди крестьянъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ)

А. Н.

ВОЗЗВАНІЕ УКРАИНЦЕВЪ.

Отъ нашихъ украинскихъ товарищей поступило предложеніе открыть при нашемъ органѣ пріемъ пожертвованій для образованія Фонда на изданіе анархической литературы на украинскомъ языкѣ.

Мы надѣемся, что люди сочувствующіе великому освободительному движенію, помогутъ нашимъ товарищамъ осуществить предпринимаемое ими дѣло распространенія нашихъ идей среди многомилліоннаго населенія Русской и Австрійской Украйны. Пожертвованія можно пересылать по нашимъ адресамъ, или черезъ живущихъ заграницей знакомыхъ въ нашу редакцію. На внутреннемъ конвертѣ дѣлать надпись: для Фонда Украинской Анархической литературы.

Отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ опубликовываться въ каждомъ номерѣ.

Фондъ на изданіе Анархической литературы на Украинскомъ языкѣ.

Поступило: Отъ Л—ча 50 фран. Подписн. листъ — 2 фр. 55 сан. Всего 52 фр. 55 сан.

Отчетъ кассы за Августъ.

Поступило:

Отъ Моск. груп. 40 ф., Кетенск. 7ф., Лозанск. 33 ф., за литературу 20 ф. 90 с. пожертв. П. 5 ф., Т. 5 ф., К. 10 ф. Г. 27 ф. 50 с. спектакль 178 ф. 20 сан.

Всего 325 ф. 60 сан.

Расходъ:

Посылка Москв. 3ф. 50 с. почт. рас. 3 ф. 35 с. поѣздка въ Россію 195 ф., печатаніе 1 № 284 ф 20 сан.

Всего 486 ф. 5 сан.

Письма и деньги просятъ направлять въ:

Paris. Rédaction du « Libertaire » rue d'Orsel, 15
Genève. M. H. Truan, case postale, 2773, Mt-Blanc.
Lausanne. J. Wintsch, Route d'Ouchy, Montriond.

На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись для «Буревѣстника».

Типографія группы «Буревѣстникъ» Парижъ.